

АЛЕКСАНДР
ПОЛЮХОВ

АФГАНСКИЙ ИСХОД

КГБ ПРОТИВ МАСУДА

ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА

Внешняя разведка (Книжный мир)

Александр Полюхов

**Афганский исход.
КГБ против Масуда**

«Книжный мир»

2015

Полюхов А. А.

Афганский исход. КГБ против Масуда / А. А. Полюхов — «Книжный мир», 2015 — (Внешняя разведка (Книжный мир))

ISBN 978-5-8041-0777-3

Не часто приходится читать книгу бывшего сотрудника Первого главного управления КГБ СССР (СВР). Тем более, что бывших сотрудников разведки не бывает. К тому же один из них спас целую страну от страшной смерти в объятиях безжалостной *Yersinia pestis mutatio*. Советское оружие Судного Дня должно было в феврале 1988-го спасти тысячи жизней советских солдат, совершающих массовый исход из охваченного пламенем войны Афганистана. Но – уничтожить при этом не только врагов, но мирных афганцев. Возьмет ли на свою совесть смерть этих людей сотрудник КГБ, волею судьбы и начальства заброшенный из благополучной Швеции прямо в логово свирепого Панджшерского Льва – Ахмад Шаха Масуда? Ведь именно ему поручено запустить дьявольский сценарий локального Апокалипсиса для Афганистана. В смертельной борьбе плетут интриги и заговоры советские, шведские и американские «конторы». И ставка в этой борьбе больше чем жизнь. Как повернется судьба планеты, зависит от решения подполковника службы внешней разведки КГБ Матвея Алехина. Все совпадения с реальными людьми и событиями в данной книге случайны. Или – не случайны. Решайте сами.

ISBN 978-5-8041-0777-3

© Полюхов А. А., 2015

© Книжный мир, 2015

Содержание

Глава 1. Засада	7
1988 Год	13
Глава 2. Остров	13
Глава 3. Шифровка	16
Глава 4. Профессор	19
Глава 5. Дантист	24
Глава 6. Адмирал	29
Глава 7. Банк	34
Глава 8. Пресс-центр	39
Глава 9. Просьба	42
Глава 10. Ларс	45
Глава 11. Ритва	49
Глава 12. Домский собор	55
Глава 13. Соблазнение	60
Глава 14. Предатель	64
Глава 15. «Смерть»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Полюхов

Афганский исход. КГБ против Масуда

© А.А. Полюхов, 2015

© Книжный мир, 2015

Глава 1. Засада

– Иславское – прямо по курсу, два «щелчка», – уточнил пилот, сверившись с GPS-навигатором.

– Зайди по дуге к реке. Посади машину в поле, между ними и деревней, – приказал пассажир, разглядев на берегу две черточки – люди и две точки – собаки.

Минутой ранее сука повернула голову и прислушалась. За ней и кобель наострил уши. Собаки вытянулись струной, хвосты параллельно земле. Остановился их хозяин – плотный мужчина, за пятьдесят, в серо-зеленой ветровке. Обернулась и его жена, одетая в изящную куртку и пестрый платок. Люди не видели ничего особенного, однако скоро разобрали тихое жужжание вертолета. В верховьях Москвы-реки такое – не редкость: летают большие Ми-8 с резиденций президента и премьера, маленькие «робинзоны» миллионеров. Но приближался двухмоторный еврокоптер.

Аппарат приземлился, из кабины вылезли двое. Пилот остался у машины, пассажир направился к четверке. Пес занял позицию между незнакомцами и хозяевами. Сука встала впереди и чуть сбоку, вычислив в прилетевшем правшу, чтобы атаковать его соответственно. Левая рука хозяина нащупала в кармане выкидной нож. Правая набрала мобильный номер знакомого начальника местной полиции. Женщина просто смотрела: «Наверное, люди заблудились».

Неизвестный шел навстречу, демонстративно разведя руки и не делая резких движений. Полы пиджака шевелил осенний ветер, ноги тонули в траве. Кобель взглянул на хозяйина: «Атаковать»? Приказа не последовало, и родезийские риджбеки сохранили готовность № 1.

– Матвей Александрович, доброе утро.

– Телефон?

– Да, и спутниковая сигнализация вашей машины, припаркованной у церкви Спаса Нерукотворного Образа.

Алехин знал, такими техническими возможностями располагали только федералы, но кто из них – МВД, ФСБ, ФСО или коллеги по прежней работе в разведке? Теоретически вертушку могли прислать и зарубежные враги из прошлого.

– Что?

– Товарищ Чудов просит вас о встрече.

– Когда и где?

– Сейчас, недалеко – 15 минут лета.

– Жена и собаки?

– Могут вернуться в резиденцию, кстати, вот ваш внедорожник подъезжает. Их проводят.

Через поле ехал «мерседес», за рулем сидел мужчина в костюме. Выйдя, открыл дверь для Анны. Она села с бледным лицом, хотя держала подбородок поднятым. Риджбеки по приказу хозяина запрыгнули в багажник. Итак, Матвей останется только с ножом. Вдруг, всё же захват чуждыми агентами?

– Товарищ Чудов что-то передает на словах?

– «Серый». Так вы летите?

– Да. Анна, это – коллеги, жди меня к обеду.

Жена, молча, кивнула. Через десять минут машина въехала в лесной поселок, затем в ворота большого участка. Тем временем ЕС-135 успел достичь МКАД и, пролетев четверть ее окружности, сел на подмосковном аэродроме. В ангаре, кроме авиаштуковин стояли два

«гелендевагена» с заурядными московскими номерами, без спецсигналов. Охранник вошел в тесное техническое помещение.

– Здравствуй, Матвей Александрович! Сдай, пожалуйста, ножик, а то сенсоры засекли и охрана нервничает, – приветствовал Чудов.

– Чем обязан гостеприимству, Игорь? – гость оглядел авиамастерскую, где и присесть было не на что.

– На встречи ветеранов не ходишь, на звонки действующих коллег не отвечаешь. Пришлось в гости силком затаскивать. Ребята не перестарались?

– Ребята правильные. Что надо? Я уже двадцать лет в отставке и не хочу с конторой иметь дела.

– Мы уважаем твое решение уйти с оперативной работы и никогда не обращались с просьбами. Вот только мир изменился и не в лучшую сторону. Нужна помощь.

– Не читай лекций пенсионеру. Холодная война позади, вы в кабинетах сидите, в интернете выискиваете развединформацию. У вас и агентов, поди, не осталось.

– Почти правда. Только позавчера на рубеж Пянджского погранотряда вышел «младший брат Али» и попросил встречи со «старшим братом Свенном». Сказал, американцы «пещеру» вскрыли и «товар» вывезли. Придется тебе поведать ту старую секретную историю.

Если бы Чудов взял киянку, висевшую на стене, и ударил Матвея в лоб, то вряд ли добился бы большего эффекта. Заместитель директора внешней разведки преподнес ужасный сюрприз. Бывший разведчик обмяк в ожидании новостей про «ящик Пандоры», похороненный им в горах Афганистана. Он был молод и удачлив тогда: погиб лишь один участник операции, а тысячи людей избежали страшной опасности. Полузабытый ужас вновь опустился на Матвея и его мир.

– Самозванец, не мог парень выжить так долго в тамошнем аду!

– Назвал пароль «Стокгольм». Погранцы нашли старую запись в их разведотделе – твой пароль из 1988 года.

– И?

– Прошу, хотя могу приказать, напиши подробно. Коли согласен – работай дома, не согласен – останешься здесь. Мы беседуем неофициально. По сути тебя здесь нет, вылет вертолета оформлен как тренировочный. Если разговор не получится и начнется официальный допрос, то не в моих силах контролировать последствия.

– Что ж, дам полную информацию об операции «Пакет». Мои условия: Анна улетает в Швецию, президент создает спецгруппу.

– Эка, хватил! Президент!

– Возникла ситуация biohazard. В пещере находилось биологическое оружие. Советское! Вскрытие контейнеров вызовет катастрофу.

– Seriously?

– Нет, шучу, ты развеселил. Где «младший брат»?

– На 201-й российской военной базе в Таджикистане. Ранен. Признаков инфекции нет.

– Слава Богу! Значит «товар» не распечатан.

– На базе Али был осмотрен Иваном Заболоцким начальником экспедиции из Саратовского НИИ по особо опасным заболеваниям. Она работает в Таджикистане.

– Давай, Игорь, действуй. Времени мало.

– А вы? – незаметно для себя Чудов перешел на уважительное обращение, видимо, вспомнив, что общается с начальником, пусть и бывшим.

– Домой отписываться. Вертолет дашь или полетишь на нем в Кремль докладывать? Ладно, хоть машину выдели, а то я, гуляя с собаками, бумажник не беру.

– Поезжай, Матвей Александрович. Умоляю: никаких звонков и контактов. Связь через ребят, охраняющих твой дом, у них есть оперканал.

– Не доверю вашим каналам, слишком многие слушают эфир на Рублевке – и свои, и чужие. Пришли утром курьера за моим отчетом. И следы, чтобы американцы не разнюхали прежде времени.

– Понимаю ситуацию, не подведу. Охрана останется в твоём доме. На всякий случай.

– Честь имею.

Многолетний груз ответственности и невозможности разделить ее хоть с кем-то свалился с плеч полковника Алехина. Нерассказанная тайна – тяжкое бремя. «Еще чуть-чуть и заплашу – так полегчало! – балагурил сам с собой по пути домой. – Даже стыдно: ситуация аховая, а мне хорошо. Наверное, такое чувство охватывает преступника, кающегося в содеянном. Правда, преступления не совершил. Тем не менее, *Yersinia pestis mutatio* вырвалась из пещеры».

Старый разведчик не лукавил, ибо операция «Пакет» дала нужный Советскому Союзу результат, хотя тайная цель, поставленная Кремлем, достигнута не была. Руководитель КГБ винил Матвея, но не тронул, опасаясь разглашения сведений о попытке геноцида. Когда умер он и начальник разведки, Алехин остался единственным хранителем секрета.

Вернувшись в рублевскую резиденцию, Алехин успокоил жену, потрепал по загривку Смера III и Хексу, затем велел охранникам, сидевшим в «лэнд крузере» у ворот:

– Занимайте комнату над гаражом. Машину загоните внутрь – ее антенны демаскируют. От меня неприятностей не ждите. Проблемы могут придти только извне. Пойдемте к собакам. Молчать, в глаза не смотреть, руки не распускать.

Оперативники вышли из авто по одному. «Грамотно, – одобрил ветеран. – Соображают: могу натравить питомцев». Смер сделал круг и подошел обнюхать первым, Хекса, как и положено «ведьме»¹, колдовала осторожнее. «Члены стаи, – объяснил Матвей. – Не трогать». Родезийские риджбеки – не агрессивная порода, очень чувствительны к эмоциям хозяев, сильны и опасны. Приказ приняли к сведению, хотя продолжали следить за пришельцами. Увлекательное занятие – защищать хозяев от чужих.

– Мне нужно на кладбище, тут рядом, – Алехин удивил оперативников. – Один со мной.

Выйдя в отставку по собственной инициативе, Матвей устроился в банк. Скоро у акционеров случился конфликт и, пока свара в традициях 90-х не переросла в серьезную разборку, разведчик открыл свой финансовый бизнес. Знание людей, политическое чутье, западный опыт и немного удачи позволили заработать на приватизации экономики и становлении рынка акций. Теперь жил за городом как рантье, избегая публичности.

По просьбе тещи деревенский священник освятил построенный Алехиными дом и за рюмкой водки сообщил, что на местном кладбище продаются места «на потом». Матвей купил одно. Под мраморной плитой – пока без имени и даты – устроил шпионский тайник. Время пришло выкопать герметичный пластиковый мешок.

– Вскроем дома вместе, – предупредил возможные опасения охранника. – Там документы, оружия нет.

Анна не находила себе места, сохраняя внешнее спокойствие. Приготовила ужин, проверила заветный рюкзак мужа со сменой одежды и обуви, бритвой, зубной щеткой, загранпаспортом, парой кредиток, пачкой долларов и прочим необходимым для срочного отъезда. Вдруг пригодится. Появившийся Матвей пригласил ее в сад.

– Ты завтра летишь в Стокгольм. Остановишься не в отеле, а в пансионе престарелых на Эссинге, там за деньги селят и посторонних. Скажешь, врачи прописали курс физиотерапии.

---

¹ Хекса (häxa) – «ведьма» (шведск.)

- Мы не раз репетировали ситуацию. Она наступила?
- Увы. Выторговал иммунитет для тебя, меня за рубеж пока не выпустят. Может, позже. Или уйду нелегально. Неизвестно, где безопаснее.
- Береги себя, Матюша. Мне страшно и за Степана.
- Сын выбор сделал: уехал из страны и от нас. Искать Степу не стану – лишний риск для него. Крепись, любимая.
- Ты столько лет старался не допустить катастрофы. Ты же не всемогущ.
- Твоя правда: Аз емь человеке, – и, набрав воздуха, крикнул уже охраннику, – Эй, юноша, пошли открывать кладбищенский клад!
- Алехин выложил документы, фотографии и флешку. «Видите, ничего интересного для непосвященного кладоискателя, бесполезный набор бессвязных данных», – пояснил Матвей. – Доложите начальнику, что сотрудничаю по полной программе».
- Понял.
- Уясните: идет боевая операция. Участвует контора и неизвестный противник. Вероятна утечка. В этом случае я – главная цель, затем те, кто рядом.
- Понял.
- Используйте сигнализацию и видеонаблюдение резиденции. Риджбеки вам помогут: чувствуют, слышат и видят угрозу лучше и раньше нас.
- Оперативный отчет складывался быстро, пальцы летали по клавиатуре. Часа в три ночи Смер, охранявший хозяина, заворчал в диапазоне инфразвука. На лестнице, ведущей из спальни жены на втором этаже, раздался топот – Хекса спешила вниз. Хозяин снял со стены арбалет, натянул тетиву, вставил дротик и нажал кнопку рации, полученной от охранников:
- Похоже, появились гости. Что у вас?
- Сигнализация молчит, значит, в доме и гараже их нет. Видео показывает движение в кроне дуба у забора.
- Выпускаю собак. Возьмут первого живым. Увидите других, открывайте огонь на поражение.
- Без стрельбы с их стороны? У нас нет приказа.
- Уже есть. Под мою ответственность. Смер, Хекса, *Har det roligt!*²
- Утром «лэнд круизер» с темными стеклами, привез смену охраны и забрал плененного узбека-строителя. Тот клялся, что «заблудился в лесу и случайно перелез» трехметровый забор. После обработки признался: «плохие люди» велели осмотреть участок, за 500 рублей.
- Проверяют, – сделал вывод Алехин. – Есть утечка. Совпадение по времени и месту неслучайно. Начинается острая стадия.
- Вы правы, – согласился старший оперативник.
- Вручив ему запечатанный пакет с рапортом, разведчик принял решение изложить историю целиком, исповедаться. Хотелось полностью освободиться от воспоминаний прошлого, перегрузить их из мозга в компьютер.
- Вы в курсе отъезда моей жены? – спросил, приглядываясь к стройному мужчине. «Ниже меня сантиметров на шесть, худощав. Левша, как и я. Можно попробовать».
- Да, ее отвезут в аэропорт.
- Есть мысль взять супостатов, если они тут кружат. Интересно? Сколько бойцов?
- Интересно. Нас четверо. Предложение конкретное?
- Только если вы готовы рискнуть. Бронежилеты имеются? Вертолет можете вызвать?
- Готовы рискнуть. Имеются. Могу.
- Одного оставьте здесь, второго оденьте в комбинезон моего садовника, дайте ему видеокамеру и высадите на шоссе у деревни, когда повезут Анну в Шереметьево.

---

² «Развлекайтесь» (шведск.)

- Что еще?
- Вам приходилось одеваться в женское платье?
- ???
- В интересах дела?

Бросив «мерседес» у церкви, Алехины с собаками двинулись вдоль реки. Приотстав, шел сопровождающий. Скоро появился внедорожник, мчавшийся по полю. Метров с двадцати его пассажир открыл огонь из пистолета. После первых выстрелов охранник упал. Муж и жена побежали к кустам у реки, машина догнала их. Раздался голос:

- Эй, старпер, садись в тачку и без глупостей! Тогда бабу не тронем.
- Хорошо, только жену оставьте в покое. Смер, Хекса, стоять!

Анна замерла, прикрыв правой рукой рот и левой схватившись за отворот куртки у сердца. Разведчик сделал шаг к машине. Налетчик вышел, держа оружие наготове. И тут, споткнувшись, Алехин свалился в грязь. Инстинктивно бандит опустил взгляд и оружие. Риджбеки рванули в атаку, отвлекая врага.

В ту же секунду «Анна» выстрелил, пистолет «Гюрза» в его левой руке коротко кашлянул «дум»! Преступник от динамического удара крутанулся волчком, выронил оружие и, рухнув, заверещал как кролик. «Анна» прицелился через лобовое стекло в водителя. Тот разумно не стал снимать руки с руля. Ряженный в женскую куртку и платок, старший оперативник лишь внешне напоминал жену Алехина. Матвей вскочил и распахнул дверцу, обезоружил впавшего в ступор шофера и завалил его на землю.

– Он застрелил Леху – телохранителя! Посмотри, нет ли у них в багажнике канистры с бензином, – истошно кричал ветеран. – Я сожгу гада!

– Сожжем, если не расскажет, кто заказал нападение, – заверил «Анна». – Кто тебя послал? Говори по-хорошему.

– Брызгалов. Директор ЧОП «Лямбда», – прошептал водитель, над которым нависли две пасти с мощными клыками.

К машине подбежал «убитый» охранник. Из прибрежных кустов спешил «садовник», снимавший инцидент на видео. Скоро из-за Николиной горы на другой стороне Москвы-реки поднялся вертолет.

– Ранен в правое плечо навывлет. Наложим жгут и для допроса пригоден, – констатировал Алехин. – Точный выстрел! Завидую, как левша левше.

– Ваша блестящая идея, Матвей Александрович.

– Обычная засада в движении. Вы в рапорте напишите: «С учетом обстановки решил выявить намерения противника, что позволило в боестолкновении взять двух языков». Пусть поделятся знаниями, глядишь, появится ниточка наверх.

– Надо обыскать их внедорожник и мотивировать их разговорчивость.

– Начните с шофера – он со страха обмочился. Пригрозите сбросить с вертолета, дверку в полете приоткройте для убедительности.

– Отработаем, как положено. Извините, приму звонок – ваша жена из самолета.

– Анна, счастливого полета. Позвоню через пару дней. Чем занят? Гуляю с собаками. Что за шум? Трактор заблудился, пьяный тракторист дорогу спрашивает. Целую.

– Матвей Александрович, мне пора, – старший торопился доставить на допрос пленных.

– Шумно покайтесь в конторе, что прокололись – ведь меня «убили» в перестрелке.

Вертушка на бредущем скрылась за лесом. Собаки проводили ее взглядом и тщательно обнюхали салон оставленной машины. Налетчики пахли иначе, чем узбек, но все равно воняли страхом.

Вскоре появился «УАЗ» с сиреной. Требовалось убрать брошенное оружие и внедорожник. Ликвидация последствий бандитских разборок – полицейские будни. «Садовник»

уехал объясняться в Федеральную службу охраны – Рублево-Успенское шоссе входило в ее зону ответственности. «Убитые» Алехин и телохранитель повезли собак домой.

«Охота удалась, – смаковал детали Матвей. – Жаль, не пришлось пострелять из «Гюрзы» – отличное оружие спецназа. Хм, уже 11.00 – пора пить чай и писать мемуары».

1988 Год

Глава 2. Остров

1 сентября

Ужас накатывал волнами, спящий неуклонно погружался в безысходность. Сжавшись в позу эмбриона, крепкий мужчина лет тридцати пяти постанывал. Судорожно подрагивали ноги, руки вцепились в простыню. Секунды быстрого сна сменялись неподвижностью, затем внутренний хаос вновь разрушал внешнее затишье. Бред держал жертву, которая лишь огромным усилием сдерживала вой и слезы. Борьба шла к финалу – дыхание учащалось и становилось прерывистым. Рот приоткрылся, бронхи напряглись для крика.

Рядом жена мирно посапывала, лежа на спине («так утром морщины на лице менее заметны»). Темнота не скрывала зрелую красоту, а покрывала флером загадочности. Оценить ее прелести той ночью было некому: вместо предутренней эрекции супруг ощущал полную дисфункцию. Его гениталии покинули обычное место, втянувшись в пах. Бедственное состояние мужчины не волновало женщину. Ночь целиком погрузила ее в объятия Морфея. Будучи, в отличие от мужа, совой, она предпочитала удовлетворять сексуальные потребности вечером, а то и днем. Потребности в тридцать лет не убавлялись, а росли. Ее порой пугал собственный аппетит в интимной сфере. В тот час снилось нечто желанное (или некто?). Пульс повышался, и грудь вздымалась заметнее.

В соседней комнате обладатель розовых щек и рыжих кудрей дрых в окружении разбросанных игрушек. У кровати стоял школьный ранец, на стуле висели брюки и рубашка с галстуком-бабочкой. Утро 1 сентября подкрадывалось к первоклашке. Покой мальчика охранял свернувшийся кольцом пес. Шерсть на холке временами поднималась и опускалась, хотя уши лежали спокойно. Иногда лапы начинали бег в горизонтальной плоскости, шла погоня за обнаглевшими кроликами из парка по соседству. Только во сне их разрешалось ловить, душить и даже есть.

Стокгольм дремал, не заметив, как скончался август. Едва слышно журчала стремнина, где озеро Мэларен сливалось с водами Балтики. Первые намеки приближающейся зари угадывались в проступающих из мрака силуэтах островов и связывающих их мостов. Утро надвигалось с востока. Восток велик, а путь долог.

Фасад маленького дома черными окнами взирал с каменистого склона на широкую панораму. Задний вход смотрел на узкую улочку. Через холл можно было попасть на кухню, в гостиную, детскую и кабинет. Лестница вела к двум спальням и ванной, а также на балкон.

Спящий человек предпринял последнюю попытку взять под контроль работу мозга, понять скрытую угрозу. Еще в детстве он научился задерживать полеты во сне. Затем пришло умение аккуратно пристраиваться к потоку образов, наблюдать за сюжетом со стороны, а порой и направлять его течение. Эротические сновидения юности превращались в увлекательные фантазии. Позже и серьезные проблемы находили решение в снах-симуляциях. После пробуждения оно иногда сохранялось в памяти.

На сей раз не получалось и пришлось вынырнуть из темного мира. Разум *homo sapiens* XX века, действуя по алгоритму древних *homo erectus*, просканировал тишину, оценил обстановку и вынес вердикт: норма, ничего страшного не обнаружено. В реальном мире.

Мышь выскользнув из кровати и, спустившись на кухню, включил кофеварку. В ванной неспешно пожурчал над унитазом, следовало переварить пугающие сигналы из мрака. Советский разведчик не верил сонникам и экстрасенсорной зауми, но к подсознанию относился с уважением. Оно не станет пугать попусту. Натренированный за годы оперативной

работы мозг не беспокоил без причин. Тогда что? Спортивного вида фигура в зеркале, кивнула русой головой, подмигнула серым глазом, но ответа дать не смогла. Взглянув на себя – рост 180, пресс плоский, бицепсы надо бы подкачать, мужчина с шуршанием провел лезвием по жесткой щетине.

На запах кофе появилась позевывающая жена. Халатик не скрывал теплого крепкого тела, увенчанного привлекательным лицом в обрамлении золотистых локонов. Ноги стройные, хотя просвет между бедрами уже не просматривался – не девочка. А запястья по-прежнему узкие и грудь со студенческих лет увеличилась лишь на размер. Хитрый карий взгляд, волнуяще пухлые губы. Ровные зубы блеснули в улыбке.

– Что так рано встаешь, всем нам спать не даешь?

– Волнуюсь за Степу. Парнишка впервые идет в школу.

Матвей гнал пургу, и Анна это почувствовала. Сын читал и считал, ладил с детьми советской колонии. Муж скрывал причину беспокойства, она к такому привыкла – не первая совместная заграникомандировка. Оба исходили из того, что противник подслушивает, а быть может и подсматривает за семьей. Поэтому не болтали о серьезных делах и личных проблемах. Ясно, муж не стал грузить своими сложностями. «Захочет – расскажет, а пока нужно готовить завтрак: Степа заказал оладьи».

Раздался цокот когтей. Риджбэк Смер³ не пропускал момент открывания холодильника и балдел от запахов, исходивших из белого зева. Кобель посмотрел в лицо хозяина – вожак стаи не своей миске. Риджбэки родом из Южной Африки, где колонизаторы, скрестив европейских и местных собак, вывели породу необычайной сообразительности и бесстрашия. Недаром Степа звал пса на русский манер – «Смерть». Любой, кто обидит хозяев, через минуту горько пожалеет о содеянном.

Стоя под душем, закрыв глаза и подставив мускулистую шею под тугую струю, Матвей пытался поймать лейтмотив жуткого сна, но ему не удавалось установить связь с подсознанием. Вытерся, встал на весы. Порядок – 85 кг. Открыл шкаф: на школьную линейку бывшие пионеры должны являться в лучшем виде. «После занятий сына надо бы свозить в парк развлечений «Грена Лунд», там и перекусим, – планировал он. – Смер будет недоволен, поэтому с утра подольше с ним погуляю. Сумрак отступил – дуб под окном уже проявился.

Спускаясь к воде, разведчик шел по «Переулку неимущих», застроенному виллами ценой в миллионы крон. При журналистской зарплате в 6000 крон Матвей чувствовал себя бедняком, попавшим в гости к богатым родственникам, но зависти не испытывал.

С дерева приветственно каркнула ворона по кличке «Дежурная». Принесенный хлеб в воздухе хватили чайки, в воде – утки; а хитрая ворона держала монополию на крохотном причале. Смер птицами не заинтересовался и направился к прибрежным кустам, где обитал барсук. Трогать его не позволялось, но навестить «друга» требовали приличия. Подплывшая стайка лебедей грозно зашипела на пса.

Поросшая лесом и коттеджами гранитная спина трехкилометрового кита, всплывала из дымки посреди озера. Остров Эссинге пробуждался к жизни. Почтальон крутил педали по кривым улочкам. Соседка-пенсионерка вышла покурить. Окна зажигались одно за другим. Издали слышался гул автомагистралей.

Сын уплетал оладьи с черничным вареньем, запивая молоком. Пес очистил миску с кормом и занял у стола очередь за чем-нибудь «десертным». Смер культивировал благородные привычки и мог смаковать кусочек рокфора, закатывая глаза от удовольствия.

В ритуале облачения Степа обычно проигрывал по времени не только отцу, но и матери. В то утро ему удалось быстро справиться даже с бабочкой. Матвей надел клубный пиджак, вязаный галстук и серые фланелевые брюки. Анна блистала в белых туфлях и в малень-

---

³ «Масло» (шведск.)

ком голубом платье, не до конца скрывавшем аппетитные формы. Пашмина, золотой кулон и серьги, сумочка-клатч. Участники предстоящей школьной линейки остались довольны видом друг друга и хором рухнули на сиденья авто. Смер контролировал отъезд, привстав на подоконник в кухне, соседка – с очередной сигаретой – с террасы.

Посольство СССР на Кунгсхольмене занимало парк на высоком берегу, с которого открывался вид на центр Стокгольма. Главное здание по идиотскому проекту московского архитектора представляло стеклянную коробку с черной каменной головой Ленина в холле. В цоколе жилого дома располагалась миниатюрная школа. Во дворе царил легкая ажитация. Дети галдели – многие только вернулись с каникул на Родине. Дипломаты дискутировали, казалось, их волнует повестка дня Генеральной ассамблеи ООН. Технический состав толковал, видимо, о распродажах в универмагах.

– Доброе утро, Матвей Александрович, – раздался тихий голос пограничника из охраны посольства. – Вас просили срочно зайти.

Не уточняя, кто просил и куда зайти, разведчик пожал локоть жены и направился в главный корпус. В нем приходилось бывать чаще, чем хотелось бы. Правила конспирации входили в противоречие с необходимостью писать информационные и оперативные письма и телеграммы. Делать это разрешалось только в помещении резидентуры. Поэтому противнику помогала вычислять разведчиков частота посещений ими совпосольства, разумеется, если они не были его сотрудниками. Если они ими являлись, то помогала частота их выходов в город.

Сводя к минимуму пребывание в дипмиссии, опытный Алехин заранее составлял в уме тезисы нового сообщения и, оказавшись в резидентуре, быстро излагал их на бумаге. Писать приходилось ручкой – ее шорох не мог прослушать никто, от чего на среднем пальце сформировался намозоленный бугорок. Причем как на правой, так и на левой руке. Левша, переученный советской школой, Матвей пользовался обеими руками. Для личных записей левая выдавала особую неразборчивую скоропись. Для официальных – правая писала четким почерком, исключая неправильное прочтение. Дабы оправдать частые визиты в посольство, журналист завязал хорошие отношения с послом. Зная, что Алехин занимается политической разведкой, тот не снисходил до дружбы с ним, как и с другими «смертными», хотя и любил порассуждать с ним о шведском обществе и политике.

Глава 3. Шифровка

1 сентября

Салатовая папка лежала на столе, из нее невинно выглядывал краешек телеграммы. Резидент уперся взглядом в согнутый пополам кусок картона, пытаясь проникнуть в скрытое им сообщение. Обычно подвижное тело 50-летнего чекиста замерло в кресле, лицо застыло словно маска. Температура в кондиционированном кабинете без окон будто росла с каждой минутой. Тихо шуршала спрятанная в стенах система экранирования от электронных средств внешнего съема информации. Атмосферу залегшей на дно субмарины дополняла едва ощущаемая ногами работа вибраторов защиты от прослушки.

Матвей диагностировал состояние начальника, хотя виду не подал. Держать фасон его научили пацаном на улице им. Сталина в подмосковном Кунцево, где не раз доставалось на орехи. «Не лезь в заваруху, – толковывал отец, прошедший все войны с 1937 по 1945. – Смотри беде в глаза и будь готов ударить первым». За годы службы во внешней разведке пришлось повидать и неприятные приключения в полевых условиях, и жесткие разборки в начальственных кабинетах. До сих пор удавалось выйти сухим из воды, а то и набрать дополнительные очки. Однако на сей раз ночной ужас готовился материализоваться в дневной кошмар.

Скованность шефа добра не сулила. Простые обстоятельства не могли заставить бывшего чекиста принять позу умолчания. Его путь наверх отвечал канонам позднего периода советской номенклатуры. Прослужив несколько лет в контрразведке где-то в провинции, сумел попасть во внешнюю разведку КГБ и приобщился к штабной работе. Следом беспроblemная, хотя и безрезультативная загранкомандировка. Затем связи, возраст и смекалка позволили повысить квалификацию, стать парторгом и позже выехать в Швецию – престижную западную страну. Под крышей посольства резидент чувствовал себя замечательно, на оперативную охоту выходил нечасто. Любил работать с документами и воспитывать подчиненных, общаться с «чистыми» сотрудниками совзагранучреждений, посещать приемы и мероприятия из жизни дипломата «чичеринской школы».

Сохранение статус-кво являлось для него и *modus vivendi*, и *modus operandi*. Стабильность в период развитого социализма котировалась высоко, поскольку исчезала пугающими темпами. Но пока развединформация текла в Центр, и агентура действовала, «резаку» ничто не грозило. Успешный ход событий обеспечивал комфортную жизнь в Швеции, приближал к заветной мечте – генеральским лампасам. Главное, чтобы не было провалов и предательств, а они в условиях перестройки, ускорения и гласности случались не редко. Тогда Москва вставала на дыбы, и шефа ждали неприятности. Поэтому он опасался всего, что потенциально ставило под угрозу безопасность работы «точки» и его собственную карьеру.

Такая осторожность молодым претила, опытные сотрудники считали ее естественной. Матвей знал достоинства и недостатки старшего коллеги по совместной работе в Центре, держался с ним по-товарищески ровно. В звании, правда, отставал на одну звезду, и разница в возрасте составляла 15 лет, но дистанцию соблюдал лишь на людях. Оба, осознавали, кто есть кто, понимали взаимную полезность и хорошо ладили по делу. То был брак по расчету. Причем расчет оказался верным, а «брачные узы» – прочными. До сегодняшнего утра.

Открывая папку-приговор, Матвей увидел грифы «Особой важности» и «Только лично», время приема – 04.52, расшифрована в 05.12. Обычные депеши приходили поздно вечером. Срочные могли поступать и в течение рабочего дня. Ночь оставалась уделом «чрезвычайки».

Еще штампы: «Уничтожить по прочтении», «Выписки не делать». Мозг подсказал вывод: шеф не должен был читать текст (если шифровальщик не нарушил инструкцию) и взбешен, что Москва напрямую пишет его подчиненному. И теперь он дистанцировался от вопроса – чутье подсказывало ему, что депеша может отдалять лампы.

Матвей пробежал приказ Центра.

«Тов. Григу.

Примите немедленные меры для выхода через «А» и «Б» на Ахмад Шаха Масуда для обеспечения беспрепятственного вывода советских войск из Афганистана. Цель – склонение полевого командира к прекращению боевых действий на маршрутах следования воинских колонн в СССР, особенно в районе Панджшерского ущелья. Соблюдайте полную секретность. Привлекайте любые оперативные возможности. Резидент информирован о получении вами специального задания без детализации его сути. Сообщите о необходимости помощи. План действий и ваши соображения направляйте в адрес тов. Симонова».

Подписал депешу (псевдонимом) начальник Первого главного управления КГБ СССР, что не оставляло места для сомнений в ее серьезности. Разведчик никогда не слышал про «товарища Симонова». Очевидно, кто-то на самом верху лично взялся руководить операцией. Новый псевдоним создавал обособленный канал связи с большим начальником, минуя обычную командную цепочку. В случае успеха последует поощрение с барского плеча. В случае провала – верховная кара.

Помолчав, Матвей вздохнул и двинулся к двери. Ночная безысходность навалилась вновь, уже наяву. Игра началась, а непонятно, какие фигуры в ней задействовать. Идей не появлялось. Вообще! Никаких!

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – удивился шеф.

– Полпред запретил мат в посольстве, – отшутился Алехин. – Других слов нет. Надо подумать. Если что, вали все на меня, Захар Сергеевич. Телега-то мне пришла...

– Ну, не надо так, дело-то общее, – повеселел хозяин кабинета и протянул 5000 шведских крон. – На дополнительные расходы.

Разведчик составил ответ:

«Тов. Симонову.

Приступил к выполнению. План и предложения представлю 5 сентября. В помощи пока не нуждаюсь.

Григ».

Передавая телеграмму шифровальщику, бросил: «Срочно. И не шепчись с боссом о моей переписке. Там будет много дерьма – запачкаться легко».

Пожилый сотрудник не стал клясться в верности инструкциям и просто кивнул. Извлекая жену из группы мамочек возле школы, Матвей увидел коллегу из консульского отдела.

– Отвезешь домой моего сына после занятий, а то я в замоте?

– Не вопрос. На обед через ваш остров проеду.

Идя к машине, Анна невидимо излучала недовольство – кругом люди, а за посольством круглосуточно наблюдали сотрудники местной контрразведки с двух многоэтажек, стоявших через улицу. Выехав за ворота, «вольво» устремилась на запад, к дому. Припарковавшись под любимым дубом, разведчик пригласил Анну поговорить на свежем воздухе, то есть без прослушки. Взяв Смера, пара двинулась к берегу.

– Возникла ситуация. Не экстраординарная, хотя в ближайшие дни прибавится хаоса.

– Уже поняла, что «Грена Лунд» накрылся.

– Все нет. Петров привезет Степу из школы. Пообедайте и в парк развлекаться. Возьми такси на площади.

Женская интуиция подсказала, что глупо дискутировать с мужем, который с утра сам не свой. Анна старалась избегать ошибок, к тому же за уступчивость полагалась компенса-

ция. Надо из списка неисполненных желаний выбрать адекватное испорченному дню. Самое главное – поездка в Париж (Москва недавно разрешила иностранцам выезжать на экскурсии в третьи страны), но сегодня о ней заикаться не стоило. Вспомнив про щедрое предложение воспользоваться такси, сообразила, что у супруга серьезная проблема. Жаль, служебную машину муж не мог дать – женам за границей водить авто запрещал отдел ЦК КПСС по работе с заграничными.

Смер также, правда, по-собачьи избегал ошибок. Заметив золотистого ретривера у калитки «Института Библии», пес взглянул на хозяев. Те не реагировали, значит, уличного друга не защищал явно выраженный запрет. «Смерть» мигом схватил его за холку и положил на асфальт. Затем оба отряхнулись и, помахивая хвостами, обнюхались. Баланс сил подтвержден. Этикет соблюден. Появившийся из-за забора Младко Жорович только покачал головой и поклонился соседям.

– Как веру Христову несете по миру, святой отец?

– С Божьей помощью справляемся, грех жаловаться.

Институт занимался распространением Святого Писания и переводом библейских материалов на редкие языки. Матвей познакомился с доктором теологии и неофициально участвовал в переиздании академической Библии Лопухина. Дюжина дореволюционных томов вмещала исследования и толкования российских богословов. Возрождающаяся Русская православная церковь нуждалась в книге, а денег не находилось. Югослав через епископа Стокгольма организовал сбор пожертвований в лютеранских храмах Скандинавии. Типография уже печатала 50 тысяч экземпляров. Оставалось нанять грузовики для перевозки, но Совзагранавто заломило высокую цену.

Дома Матвей сменил пиджак на ветровку, а брюки на джинсы и, захватив бутерброды, отправился думать. Привязанный веревочкой к фонарному столбу, хозяина ждал дешевый велосипед. Он имел только три скорости и не привлекал внимания. Но однажды исчез прямо от дома. Предположив, что «сокровище» вряд ли заинтересовало алчных похитителей, Матвей обошел остров и нашел аппарат. Вероятно, утащили сотрудники наружного наблюдения, раздраженные его велопробегами. Пешком и на авто сложно следить за объектом, делающим 10–15 км в час. Перекусив цепочку, они бросили добычу в двух кварталах, поскольку забрать ее означало бы кражу чужого имущества.

Глава 4. Профессор

1 сентября

Матвей крутил педали по набережной вдоль Рыцарского фиорда. У воды мелькали марины, рестораны и пришвартованные кораблики. Проезжая мимо Ратуши, разведчик покоился на огромное каменное надгробье, где удобно возлежал на спине позолоченный истукан в латах. Впечатляли ступни чуть не метрового размера, намекавшие на историческое величие владельца кенотафия – якобы могилы. На самом деле почетный покойник упокоился в другом конце страны.

То был ярл Биргер, которого на Чудском озере «любезно» встретил и проводил Александр Невский. Местная публика знала «пса-рыцаря» как основателя Стокгольма, а о разгроме его похода на Новгород шведская историография умалчивала. Обосновавшись на островах, перекрывающих выход из озера в море, ярл и его последователи контролировали торговлю, шедшую в основном по воде, исправно взимая плату с каждого судна. Форпост, известный ныне как Старый город, приютил Королевский замок, Риксдаг, Верховный суд.

К сердцу столицы неосознанно дрейфовал Матвей, объятый думами. Иногда лучше думалось в тиши Городской библиотеки – еще подростком пристрастился посещать юношеский читальный зал Ленинки. Порой в близлежащей пивной, хотя там из-за отсутствия тяги к спиртному его считали «неправильным русским».

В теплое время года коронное место располагалось через фиорд от Ратуши. Здесь вокруг собора-усыпальницы шведских монархов толпились туристы, а остальная территория была безлюдной. Возле церкви стояла телефонная будка, удобная для звонков с оперативными целями. Тишь да гладь, а в церкви еще и Божья благодать.

На данный момент требовалась тишь. Матвей облюбовал скамейку на крохотной набережной и занялся поисками выхода на Ахмад Шах Масуда – главаря афганских «духов» и жестокого властелина Панджшерского ущелья. Память любезно выдала цитату из запроса Центра, поступившего пару недель назад: «В связи с реализацией Женевских соглашений о политическом урегулировании положения вокруг ДРА представьте данные о наличии в стране организаций и лиц, контактирующих с верхушкой моджахедов». Тогда казалось, циркуляр, адресованный десяткам резидентур, касался стокгольмской точки лишь формально.

Такой тематикой занимались коллеги, работавшие в Афганистане и в соседних с ним странах. По открытым источникам Матвей составил список из полудюжины «комитетов» и «групп», которые устраивали демонстрации возле посольства СССР и собирали гуманитарную помощь для повстанцев. Серьезные структуры Швеции воздерживались от общения с боевиками, военной и финансовой поддержки им не оказывали. В ответе Алехин назвал две слабые возможности.

Теперь Москва ставила задачу, предполагающую наличие оперконтактов. В Афган направляли людей и грузы только «Врачи без виз» («А») и «Шведская помощь» («Б»). В первой у Алехина был знакомый активист. Еврейский мальчик, на пароходе с углем бежал в Швецию из оккупированной фашистами Польши и ныне возглавлял отделение в престижном Каролинском госпитале. Когда у приехавшей в гости (еще одно послабление Горбачева) тещи разведчика отказали ноги, доктор диагностировал опухоль в позвоночнике и блестяще ее удалил. Понимая, что советский гражданин не может оплатить дорогую операцию, исхитрился профинансировать ее по гуманитарным каналам. Оперработник был в долгу у профессора Смушко. Пришло время вновь просить об одолжении.

Перекусив бутербродами, разведчик решил посетить будку. Сначала нанес визит в полуоткрытый железный писсуар. Велопрогулка и думы сделали его соседство с телефоном-автоматом очень востребованным.

– Хей, Миша! Матвей говорит. Как дела? – на стокгольмском диалекте сказал-пропел. – Не отрываю от операции на открытом сердце?

– Добрый день, – ответил поляк. – Как моя любимая Софа?

– Шлет поцелуй.

В любимую пациентку София Васильевна – сверстница врача, превратилась, встав с койки и сделав первые шаги на глазах его восторженных коллег и учеников.

– Пора подумать о деньгах за лечение, – шепнул Миша тогда Матвею. – Раньше не ломал голову, вдруг бы операция не помогла. Знаешь, пациенты иногда умирают.

Еврейский юмор предполагал реакцию на той же волне.

– Жаль, операция успешна, ведь я уже заготовил иск к госпиталю. Теща тещей, а получить материальную компенсацию таки хотелось бы, – отшутился Матвей. Позже русский иногда звонил ошведившемуся поляку, чтобы пересказать пару гротескных московских анекдотов. Тот принимал их «на ура», так и не сумев привыкнуть к скандинавскому юмору. Особенно нравились персонажи Мойша, Хайем, Роза и, конечно, Софа.

– Хочу вернуть гуманитарный долг, – перешел к делу разведчик. – Друг в Москве предлагает «горящие путевки» в Афганистан. Возможно, «Врачам без виз» интересно?

– Если ты серьезно, то готов прозондировать почву. Речь идет о советской зоне?

– Можно посетить Панджшерское ущелье, где контроль в руках Ахмад Шах Масуда. У вашей организации есть связи с ним?

– Не слышал, но свяжусь с шеф-координатором в Париже. Позвони часов в семь.

– Ок.

Камень брошен, круги начали расходиться. В мутной воде афганской политики действовало много западных игроков. Напирая внешне на гуманитарную сторону конфликта, США бросили огромные силы для снабжения и взаимодействия разрозненных вначале отрядов боевиков. На деньги Саудовской Аравии и руками военной разведки Пакистана создали движение Талибан – реакционную силу, борющуюся не столько против советских войск, сколько за власть в стране. Проект с бюджетом в 12 млрд, долларов курировал лично директор ЦРУ, а позже президент США – Джордж Буш-старший. Советская разведка докладывала Политбюро, что Женевские соглашения от 14 апреля 1988 г. не выполняются Вашингтоном и его союзниками. Те продолжали накачивать Афганистан оружием и бойцами из приграничных племен. Для прикрытия использовались акции, типа поставок продовольствия и оказания медицинской помощи.

Последнюю осуществляли «ВБВ», которые через спецслужбы установили связи с полевыми командирами как за пределами Афганистана, так и внутри него. Координация шла через Париж, поэтому Матвей сомневался, что в Стокгольме сотворит чудо, невозможное для оперативников из парижской точки. Советская разведка в Европе не интересовалась неправительственными организациями, а проникала в военно-политические структуры, охотясь за секретной информацией стратегического характера. Общественное мнение использовалось разведчиками только как поле битвы против евrorакет США. Те оперконтакты прекратились после заключения советско-американской сделки по ракетам средней дальности.

Недавно Москва обязалась вывести войска в девятимесячный срок, чем фактически признала поражение в «холодной войне». Бессмысленно потратив 31 млрд, инвалютных рублей, Кремль подписал Женевские соглашения – «фиговый листок», прикрывающий политическую наготу. Видимо, последние штрихи к макияжу планировалось добавить через западную общественность. Могла ли она повлиять на «панджшерского льва»? Легендарный лидер моджахедов пережил не одно покушение, а само ущелье – полдюжину войсковых операций. Нейтрализация горного анклава считалась одной из главных целей 140-тысячной советской армии и спецназа КГБ. Зачем потребовался выход на Масуда именно через шведов?

На набережную высыпалась группа японцев, защелкала фотоаппаратами, загалдела. Особенно нагло вел себя мальчуган, который буквально лез на голову Алехину. Его плеер громко играл знакомую мелодию, любимую Степой.

– Парень, что за музыка?

– Doctor Oban. Сегодня купили диск, – ответил за сорванца его гордый отец.

Темнокожий выпускник медвуза взорвал шведскую, а затем и мировую эстраду клипом с сексапильными медсестрами. Но почему Dr. Oban вызывал интерес? Матвей сел возле Ратуши на прогулочный кораблик в сторону загородной королевской резиденции Дроттнингхольм. Маршрут проходил мимо Эссинге: стоило сказать шкиперу и тебя высаживали в трехстах метрах на причале, облюбованном «Дежурной». Там висело расписание и стоял флагшток.

Дома Алехин просмотрел почту, газеты. Конечно, приходилось посещать пресс-конференции, брифинги и массу мероприятий, но основная масса сведений выплескивалась в прессу. Открытая информация оставалась фундаментом для работы и шпионов, и журналистов. Задав нужному человеку точные вопросы или получив от него недостающие закрытые материалы, они получали истинную картину событий. Техническая разведка давала широкое полотно из военных, политических и экономических фактов, однако живой источник оставался незаменимым средством. Его близость к высшему руководству была важна для кураторов, будь то в восточной или западной части мира.

Смер наострил уши. Подъехало такси. Усталый и счастливый сын осыпал отца впечатлениями дня. В потоке слов промелькнул Dr. Oban.

– Что-что там с Dr. Oban?

– Выпустил диск Hello Africa, завтра подписывает в фан-клубе.

– В каком клубе?

– Помнишь, мы заходили в кондитерскую, которую он купил на бабки от пластинок? Там еще афганец и индеец подают восточные сладости?

В голове раздался звоночек. Оперработник вспомнил то заведение и плакат с концерта, который «Шведская помощь» организовала в пользу афганских беженцев. В центре постера стояли Dr. Oban и кто-то из АВВА. «Неужели зацепка? – мелькнула мысль. – Правда, слабая».

– Дорогая, завтра едем в фан-клуб, надо сделать подарок первокласснику.

– С удовольствием. Сразу после школы?

– А чего тянуть, вдруг диски кончатся. Степа, друзей пригласишь?

Родительское предложение превратило сынишку в немого. Он лишь кивнул.

– Федю и Машу, наверное?

Мальчик продолжал качать головой как пластмассовая собачка под задним стеклом в «жигуленке».

– Анечка позвони родителям Феди и Маши. ПОЖАЛУЙСТА!

Жена закатила глаза, не врубаясь в драматургию, и взяла телефон.

Муж неслучайно включил форсаж. Замышляет очередную каверзу. Что ж, Мы – актриса императорских Больших и Малых театров – выполним любую прихоть режиссера. Совместная жизнь, трудная и удачная, сделала Анну прекрасной супругой. Она не тяготилась вторыми ролями во внешнем мире, умело верховодя в кругу семьи. Матвей не тиранил, уступал, когда мог. Анна гнула свою линию, используя женскую логику и чары. Обычно она чувствовала ходы и намерения супруга, но сегодня тот надел доспехи недомолвок и лукавства.

По ее мнению, ехать к стоматологу-недоучке – моветон. Матюша, похоже, хотел взять малолетнюю троицу для прикрытия. Опасности, разумеется, никакой, но почему вдруг потребовался «динамичный дуэт»? Дети первого секретаря дипмиссии – ничего особенного.

Разве что неплохое знание шведского языка. Степа им овладел с малышкой из песочницы в «Переулке неимущих». «Муж хочет довести Dr. Oban до слез умиления детишками и? – тут мысль прервалась.

– Наталья, привет. Это Аня. Как твоим школа? – промурлыкала в трубку, хотя днем обсудила с подругой эту тему.

– Уже устали от учебы. Не слишком усидчивые, – прозвучало в ответ контральто. Дама мнила себя небожительницей, ибо мужу продлили заграникомандировку, и маячило повышение в дипранге. А значит, перспектива возвращения в полугодолдную Москву отодвигалась, а соотечественники обязаны заискивать перед ней.

Анне был глубоко безразличен чужой ранг, хотя требовалось уважительно поохать и поахать. С этим справилась, поскольку ее второй, после филологии, специальностью являлась история дворцовых интриг, династических линий, летописей, мифов. Настал момент брать корову за рога.

– Степка уболтал заехать в клуб, где Dr. Oban встречается с фанами и подписывает свои диски. Хочет захватить твоих ребят. Ну, там мороженого перехватим. Отпустишь?

– Хотя на день забирай. Машкины выходы меня сводят с ума, а брат ей подпевает.

Обрадованные Матвей и Степа позвали Смера на прогулку. Риджбэк и хозяйева считали, что ужин надо заработать, совершив моцион вокруг острова. Сын намеревался показать отцу, как наловчился лазить по стволу дуба у дома. Естественные углубления в толстой коре Алехины доработали ножом. Получился почти тренажер для скалолазания. Поднявшись по дубу, мальчик попадал на каменную опорную стенку и, перепрыгнув, оказывался на улице возле входа в дом. Отец поощрял упражнения.

После их ухода зазвонил телефон, оторвав Анну от кухонной плиты.

– Добрый вечер. Миша Смушко. Можно говорить с Матвеем.

– Здравствуйте, профессор. Муж выгуливает собаку. Может он вам перезвонить?

– Не стоит, буду занят с пациентом. Передайте, что Париж не заинтересовался предложением, так как не имеет контактов с Ахмад Шах Масудом. Его бандиты ограбили нашу медицинскую колонну на границе с Пакистаном. До свидания.

– Всего хорошего.

Анна сносно говорила по-шведски, хотя предпочитала объясняться на английском. Понимала хорошо, хотя словарный запас был ограничен. Слова про бандитов невозможно истолковать неверно. Прозвучавшее имя она слышала, кажется, в связи с Афганистаном. Политикой Анна не интересовалась, однако для советских женщин Афганистан стал Молохом, пожиравшим мужей и сыновей. И думать не хотелось про участие Матвея в войне. Нынче пришлось задуматься: «Вот почему он кручинился утром и оживился, когда Степа упомянул про афганца в кондитерской». Поездка в фан-клуб выглядела отныне совсем иначе.

Вернувшись с прогулки встретила другая женщина. Милая мама и ласковая жена преобразилась в фурию. Нет, у нее по-прежнему были волосы, а не змеи, и бичом не размахивала. Но тем различия и ограничивались. Голос звучал безапелляционно.

– Смер, кушать. Степа, мыть руки и за стол. Матвей, пойдём, глянём, я косметичку оставила в машине.

– Что случилось, дорогая? – поинтересовался муж на улице.

– Ты расскажи, дорогой, зачем детей тащишь в афганскую клоаку. Звонил Смушко, сказал, что Париж не интересуется твоё предложение, поскольку не поддерживает связи с бандитом по имени «Шах Массут». Он ограбил их медколонну на границе с Пакистаном.

– Проклятье! Старик позвонил домой и тебе мозг прооперировал?

– Поход в фан-клуб с этим связан?

– Не прямо. Ребятышки слопают по пирожному, поглазеют на Dr. Oban. Я с ним поболтаю накоротке. Займет 20 минут.

- А «Массут»?
- Ахмад Шах Масуд – крутой моджахед.
- И причем тут ты и певец-зубодер?
- Попсовик может знать кого-то, кто знает душмана. Мне поручено уточнить, не более.

Не волнуйся.

Последние слова болью отозвались в сердце Анны. Муж прокололся, попросив не волноваться. Наверняка причины для беспокойства были, иначе бы не взвился от звонка профессора. «Посмотрим, шоу в кондитерской, – прикидывала женщина. – Вечером приласкаю Матюху, пока от напряжения и вранья у него крыша не съехала. К тому же небольшой стресс стимулирует его в постели». На заре туманной юности она стеснялась откровенных любовных утех, памятуя, что спецслужбы противника могут снимать происходящее в спальне. Позднее, вспоминая об этом, испытывала возбуждение, а не смущение. Алехин – мужик, ему плевать на чьи-то глаза или камеры. Однажды прямо сказал, что любая операция «Ольга» (оперативное название для подглядывания) – занятие для импотентов. Правда, муж сомневался, что дом оборудован видеокамерами.

Глава 5. Дантист

2 сентября

После секса Матвей спал как убитый. Утром поцеловал жену и пристально посмотрел в глаза. Анна чуть зарделась – вечерний сеанс прошел приятно. После десяти лет персональная химия работала по-прежнему отменно.

В ванной опять вернулась тревога по поводу задания. Напрягал звонок Смушко на домашний телефон, который, надо полагать, стоял на прослушке. Разведчик не считал, что находится в активной разработке у шведской госбезопасности (СЭПО), поэтому переговоры вряд ли слушали в реальном времени. Прежние беседы с онкологом не несли оперативной нагрузки. Прозвучало имя Ахмад Шах – плохо, но не критично, ведь поляк открестился (хотя иудеи, вроде бы, не крестятся) от боевика. Да, и кто в Швеции знает афганские имена? Не радовал срыв с «ВБВ», хотя изначально попытка выход через Смушко на Масуда выглядела бесперспективной.

Организация управлялась из Парижа, а профессор – хоть и почетный, но лишь член «ВБВ». Филиала в Швеции не существовало, работало несколько активистов. Оперработник понимал, что сделать из поляка агента влияния на парижскую штаб-квартиру не получится. Искать продолжения здесь бессмысленно.

«Врачи» засветились как крыша для операций спецслужб, проводившихся «главным противником» – США. Сотрудничали с талибами, которые саботировали урегулирование и хотели, чтобы уходящие русские истекли кровью. Масуд проводил независимую от Талибана линию. Проникнуть в Панджшер «ВБВ», похоже, не удалось.

Листая газеты, разведчик наткнулся на аршинный заголовок «Шведский флот бомбит шхеры, пытаясь потопить советскую подлодку». Глупость несусветная, никаких подводных рейдов Балтфлот не проводил. Истеблишмент Швеции вел последовательную кампанию по дискредитации соседа по Балтике. Охота на несуществующего врага шла без перерывов, формируя в общественном мнении образ «коварной Москвы». В основе лежала историческая обида на Россию, во времена Петра I лишившую Стокгольм доминирующих позиций в регионе. СМИ – орудия мести потомков Карла XII – асимметрично мстили за Полтаву. Шумиха затрудняла общение оперработника со шведами.

За полдня Матвей так и не смог найти новых решений. Оставался ход через Dr. Oban. Забрав детей из школы, разведчик приехал в район пешеходных улиц и припарковался в огромном бомбоубежище, служившим в мирное время гаражом. Пешком компания двинулась за Степаном, который вывел на вывеску «Сладости Доктора Обана». Когда Матвей и Анна вошли в заведение, дети уже охмуряли смуглого пришельца. Пришельцами в Швеции политкорректно именуют иммигрантов, а таковыми в первом и втором поколении являются 10 % населения, а в столице – 20 %. Эстрадника родила мама-шведка от приболевшего в местном порту моряка с Островов Зеленого Мыса. Папа уплыл, а мальчик вырос темнокожим шведом. Учился на стоматолога, проявил недюжинный музыкальный талант и отлично зарабатывал на эстраде. Деньги инвестировал: например, по совету мамы открыл модную кондитерскую.

Звезда подписывал диски и позировал со Степой, Машей и Федей перед «полароидом», исправно выплевывавшим фотографии.

– Как стоит? – по мужской шведской традиции спросил Матвей, оглядывая пустой зал. Местные подростки еще не набежали – у них занятия в школе оканчивались позднее.

– Отлично, только отлично, – ответил хозяин. Рядом застенчиво стоял миниатюрный восточный парень в белом кителе. Шрам на щеке и хромота не портили его, напротив, при-

давали некий шарм. «Мужу повезло: нашел афганца – наверняка единственного в Стокгольме», – обрадовалась про себя Анна и раскрыла меню.

Дав детям немного обработать певца, оперработник счел его достаточно размякшим для допроса. Анна усадила школьников и заказала сладкого – твердого и жидкого – улыбочивому официанту. Матвей подошел к прилавку и, «случайно» увидев тот самый плакат с концерта в пользу беженцев, поинтересовался:

– Это ты где?

– Большая сходка в Сольне на стадионе. Месяца три назад.

– А кто с тобой на сцене?

– Борг из АВВА, двое из Army of Lovers и чувак из «Шведской помощи».

– Чувака хорошо знаешь?

– Председатель Уве Стурстен. Пересекаемся иногда. Меня часто таскают на тусовки.

– Мировая популярность обязывает, – вставил комплимент разведчик. – Помощь – дело хорошее. Мои дети по телику видели про Панджшерское ущелье в Афганистане, и мечтают туда отправить тетрадки, ручки и т. п. Там Ахмад Шах Масуд главный. Не слыхал про такого?

– Не, но могу Уве звякнуть, узнать.

– Будь другом, звякни.

Dr. Oban, в миру Джу Джу, удалился в «кабинет», которым служила выгороженная часть подсобки. Через минут пять оттуда вышел афганец и расставил еду на столе. Пиршество началось. Скоро появился хозяин и поманил Матвея к прилавку.

– Повезло. Застал Уве в офисе и чуть отжал по старой памяти. Чувак балакает, «ШП» сотрудничает с Ахмад Шах Масудом, а он сам встречался с моджахедом.

Стремление певца помочь выглядело искренним. Информация звучала достоверно.

– Слышь, Уве спросил, кто интересуется, – добавил Dr. Oban. – Я имени твоего не знаю, сказал, что дам тебе номер его телефона. Позвонишь, сошлись на меня. Как тебя звать?

– Матеус, – пришла на помощь Анна и под столом толкнула ногой Степу. Тот, получив команду «фас», вновь набросился на кумира. Когда компания направилась к парковке, вслед выскользнул хромой официант, отпросившийся у босса покурить. Джу Джу, несмотря на расхристаный сценический образ, не курил и запрещал табак в заведении. Тайком проводив посетителей до лифта в бомбоубежище, афганец не вошел в кабину, а занял позицию у выезда. Увидев «вольво» с нужными пассажирами, записал марку и номер на сигаретной пачке.

Зайдя в автомат на центральном рынке, парень позвонил на квартиру в пригороде Ринкебю, где обитали в основном иммигранты с Ближнего и Среднего Востока.

– Фарук, здесь Карим. Когда можно заехать?

– Во вторник вечером, только в долг больше не дам. И так мне должен пять тысяч.

– Ну, Фарук, я такое расскажу, сам денег предложишь.

– Кончай болтать. Иди, работай.

Афганец вернулся в кондитерскую, прошел в подсобку помыть руки и надеть китель. От кабинета его отделяла тонкая фанерная перегородка, через которую отлично слышно разговоры хозяина. Подслушивать он любил, и сегодня удалось узнать про Масуда. «Фарук будет доволен, – размышлял Карим, гордый, что сообразил сбегать и выследить посетителя. – Глядишь, за информацию накинёт сотню-другую крон. Ведь сам обещал не обидеть, если что интересное разузнаю».

Фарук организовал отделение «хавала» – арабской небанковской системы платежей. Она обеспечивала переброску чистых, серых и грязных денег в международном масштабе. Рабочий, наркоторговец или террорист приносил наличные «банкиру», тот звонил партнеру в нужной стране, который и выдавал деньги получателю. Без каких-либо формальностей. Сеть строилась на абсолютном доверии партнеров, которые обычно принадлежали к одному

народу или даже племени. Общались они конспиративно и на особом жаргоне. Невидимые и крупные денежные потоки выпали из-под банковского контроля. Своповые (баш на баш) операции не удалось поставить под колпак и спецслужбам. Шли века, менялись государства, появлялись электронные платежи, а «хавала» жила и процветала. Она переключилась с использования караванов на почтовую, а потом и телефонную связь. Щупальца проникли повсюду, двигаясь за клиентами. Архаичность системы защищала от технического и агентурного проникновения.

Но Фарук отступил от мудрости предков: «Меньше знаешь, крепче спишь». Пожив в Швеции, перенял принцип «Информация – ключ к успеху» и начал проявлять интерес к бизнесу клиентов, к их положению в землячествах, к связям за рубежом. Он родился в Пакистане и предпочитал язык пушту, а его услугами пользовались и те, для которых родным был арабский, фарси или дари (как Карим). «Банкир» вербовал осведомителей из числа просивших кредита или поблажек.

Алехин завез Машу и Федю к родителям и рулил к дому. Тут сын вдруг заметил:

– Вечерний клев отличный. Смотри, пап, сколько лодок в фиорде.

«В секции тенниса освоил крученые подачи», – уловил намек отец.

– Не выйти ли нам за судаком на ужин? – Матвей вызвал детский восторг.

Оперработник редко ездил на рыбалку. Будучи профи в ловле на крючок людей, мелкой добычей не интересовался. Манила одна рыбина – Стурстен. Нужен безупречный подход к нему. «Совмещу раздумья с заботой о сынишке, обожающем спиннинг», – решил отец.

Анна от неожиданности встрепенулась: муж дважды за день шел на поводу у сына.

– Ему уроки надо делать, а не кистевой бросок отрабатывать.

– Какие уроки, мам? Второй день учимся.

– Анечка, присоединяйся, будешь осваивать новый «никон» с телеобъективом.

– Сначала переоденемся!

Захватив удочки, семья прошла к необитаемой зоне острова, где встречались даже косули. Они приходили зимой по льду и иногда, пропустив ледоход, оставались на лето. Уйти по бетонной эстакаде, соединявшей с соседними районами, животные не решались.

Степа дергал блесну, отпуская пойманных окуньков назад в озеро. Жена оттачивала азы фотоискусства. Оперработник набрасывал план действий для отправки в Центр. Смер провожал взглядом катера и яхты. Его завораживали академические лодки, живые гребцы которых двигались ритмично и шумно выдыхали воздух. Звук по воде распространялся далеко – помогала повышенная влажность и ровная подстилающая поверхность.

Дежурный бюро специальных технических мероприятий почесал затылок. «Доложить наверх или нет? – дилемма мешала спокойно выпить еще кружку кофе до прихода смены. Либо он, либо следующий дежурный был обязан сообщить. Если компьютер контроля за телефонной сетью Стокгольма выбрасывал флажок, а флажок мигал, то следовало доложить начальству. На экране мерцали имя «Ахмад Шах Масуд» и 4 телефонных номера. Первый принадлежал абоненту Мише Смушко, второй – Матвеем Алехину, третий был автоматом на центральном рынке, четвертый стоял в Ринкебю на квартире. «Странная четверка, – подумал молодой ассистент. – Поляк, русский и два анонима, а говорят об одном человеке. Похоже, мафия». Забыв про кофе, постучал в кабинет старшего инспектора.

Арне Лагерфельт пребывал в плохом настроении: начальство требовало результатов, а сотрудников мало. Установили систему наблюдения за телефонами, которая в основном покрывала запросы следователей. Суд неохотно разрешал прослушку даже в обоснованных случаях, а преступники осторожничали в разговорах. Еще хуже с контртеррористическими функциями, требующими превентивных действий. Правда, СЭПО (госбезопасность!) уго-

ворила министра юстиции и получила поблажки в телефонном серфинге. Пока этот сегмент системы функционировал в тестовом режиме.

Компьютеры просеивали телефонный трафик, реагируя на ключевые слова и давая сигнал, если что-то всплывало в потоках трепа. Нехватка персонала не позволяла в реальном времени делать анализ, он происходил периодически. Сегодня была пятница – день контроля. Сеть настраивали по алгоритмам американской системы «Эшелон». США вели глобальный перехват телетрафика через спутники и по трансконтинентальным кабелям. Разрешений Агентство национальной безопасности США ни у кого не запрашивало. Но в Швеции подозрительные сигналы использовать сложно. Если Свенссон звонил Юханссону, то они могли упоминать кого и что угодно, компьютер выбрасывал флажки, которые оператор обязан отсеивать. Требовалось, чтобы Свенссон находился под следствием или Юханссон в санкционированной прослушке или что-то типа того.

– У нас один флажок и две зацепки: вчера и сегодня, – с волнением сказал молодой ассистент. – Похоже на восточно-европейскую мафию.

– Посмотрим, – без энтузиазма ответил Арне. Начинаящим сотрудникам везде мерещилась мафия. На сей раз замес и правда оказался необычным, особенно с учетом имени Масуда.

– Ты хоть знаешь, кто такой?

– Наркоторговец?

– Газеты читай. Масуд – главарь моджахедов в Афганистане.

– Черт побери!

– Ладно, разберемся.

Выведя на монитор данные, Лагерфельт присвистнул. Его допуск позволял видеть дополнительные детали. Поляк Смушко работал в Каролинском госпитале и по криминальным делам не проходил. Алехин – советский журналист – клиент СЭПО (шпион?). Телефон квартиры в Ринкебю безуспешно просили поставить на прослушку наркополицейские. А из автомата на рынке проходили сотни звонков. Пасьянс не складывался, что не смутило Арне. Реализация данных – удел оперативников. «Начну с СЭПО, – снял трубку внутренней связи Главного полицейского управления.

– Добрый вечер. Инспектор Лагерфельт из БСТМ.

– Инспектор Торквист. Чем могу помочь?

– Сегодня МЫ можем помочь Службе государственной безопасности. Есть сигнал на Матвея Алехина, адрес Эссинге..., телефон....

– В связи с чем?

– Система наблюдения за телесетью выкинула также флажок на имя «Ахмад Шах Масуд». По-моему, это полевой командир боевиков в Афганистане.

– Хорошо. Пришлите рапорт по форме.

«Ох, и пижоны в контрразведке, – расстроился Арне. – Только с бумагами и работают. Такие деньги потратили на систему, а СЭПО не досуг реагировать на ее сигналы!»

Дежурный контрразведчик не оставил без внимания сигнал из БСТМ. Просто не хотел говорить коллеге другого управления больше, чем необходимо. Располагаясь в соседнем корпусе в комплексе зданий Главного полицейского управления, СЭПО работала обособленно. Торквист зашел на сервер, простучал на клавиатуре фамилию русского и вздрогнул: в данный момент тот проезжал буквально рядом с ГПУ. Контрразведка ставила радиомаяки на авто особо интересующих ее лиц. Их передвижение отражалось автоматически.

Подняв сведения на Алехина, Торквист понял, что завтра комиссар останется доволен докладом. «Новый материал на русских его обычно бодрит. На них у него встает «шишка». Интересно, кому поручит дельце, – подумал инспектор. – Может мне?». Набросав быстро рапорт, отправился в спорт-клуб. Приятно снять дневной стресс выбросом эндорфина – гор-

мона счастья. Физические нагрузки давали лучший результат, нежели секс со случайной подружкой. Постоянной Торквист еще не завел – работа мешала.

Глава 6. Адмирал

5 сентября

Ему довелось посетить Стокгольм. Туда зашел с визитом эсминец Балтфлота, на борту которого молодой офицер начинал службу. Увиденная столица произвела сильное впечатление, намного сильнее, чем десятки городов позже, в годы загранработы. Теперь Адмирал, давно превратившийся в сухопутного краба, служил зам. начальника ПТУ КГБ. Ненормированный рабочий день закончился после 24.00. Он в одиночестве вышел из здания-трилистника, ощутив ночную прохладу: «А ведь еще только четвертое, то есть, уже пятое сентября. Осень будет ранней». Больше заботила не осень, а зима. И не в России или Швеции, а в далеком Афганистане. К 15 февраля 1989 года его должны покинуть советские войска. Единственному моряку в руководстве разведки поручили обеспечить прикрытие их выхода.

Особенно через горы – главное препятствие на пути домой, на север. Единственное шоссе шло из Кабула через перевал Саланг, а подходы к нему находились в зоне влияния Ахмад Шах Масуда. Неуловимый полевой командир держал в руках бесчисленные долины и ущелья рек Панджшера. Военным путем не удалось устранить постоянную угрозу из почти непроходимого района. И не только Салангу, но и главной авиабазе Баграм под Кабулом и даже самой афганской столице. Разведке приказали сделать то, что не получилось за девять лет. Нейтрализовать отряды Масуда любым путем, чтобы в зимних условиях без потерь переправить на Родину гражданских лиц, военнослужащих, вооружение и оборудование.

Аналогичные задачи стояли и по другим лидерам моджахедов, но они представляли меньшую угрозу 40-я армия принуждала их к пассивному ожиданию исхода шурави – так там прозвали русских. Большинство боевиков готовилось зимовать в кишлаках, чтобы весной начать новый раунд схватки за власть в стране. Через агентуру разведподразделения «Карпаты» поступала информация о готовности боевиков к ненападению. Их уговаривали, подкупали, стравливали, убивали. Тем, кто трепыхался, наносили жестокие удары.

Объятый думами, Адмирал не сел в машину, готовую отвезти «домой» – на служебную дачу в лесу по соседству. Жена пять лет как умерла, дети выросли, работа заменила семью. Перед сном он решил прогуляться по обширной территории Центра, когда-то сооруженного финскими строителями, считавшими, что возводят загородный санаторий ЦК КПСС. Для конспирации даже соорудили небольшой квадратный пруд, на берегу которого возвышалась гранитная стела, увенчанная гранитной же головой Ленина. «Каменная башка» раздражала днем и подавляла ночью, подсвеченная прожекторами. Хорошо еще, Старик – начальник ПТУ – велел поставить их над водой. Свет привлекал ночных бабочек, обжигавших крылья над гладью пруда. Там довольно чавкали ртами крупные карпы. «И скульптура видна, и рыбы сыты», – заметил Старик хозяйственнику, жаловавшемуся на трудности замены лампочек.

«Вот так и мы обозначаем разведывательные цели, направляя сотни оперработников по миру, – вздохнул Адмирал. – А когда те «сгорают» на работе, их забывают. Помнят лишь некоторых, вернувшихся с нужными результатами». Пять дней назад отправил в пекло еще одного – товарища Грига. Старый моряк помнил парня совсем молодым, когда в Центре первый курировал, а второй сопровождал операции в Северной Европе. Как-то раз младший офицер позволил себе не согласиться с негативным мнением начальника о разведывательном источнике. И когда шеф вспыл и швырнул досье через просторный кабинет, сотрудник тихо заметил: «Таковыми людьми не бросаются». Адмирал простил нарушение субординации и позже убедился, что подчиненный был прав. С тех пор положил на него глаз.

Дела у сотрудника шли успешно, ловкости в вербовочной работе и оперативных комбинациях хватало. Отличная адаптируемость к любым условиям, настроенность на результат, оригинальное мышление дополняли хорошую общую подготовку и опыт. Порядочность

и умение сработаться отмечали как коллеги, так и оперативные связи. И главное – ему везло в сложных ситуациях, из которых умело выкручивался. Его, как и многих других, выдал предатель Гордиевский. Части людей это поломало карьеру, другие оказались сломлены психологически. К Григу подползала с вербовочным предложением английская разведка, вычислившая один из его контактов. Опер, дипломатично отшив МИБ, продолжил работу. Адмирал верил, что удача – или ее отсутствие – реальный феномен. В задуманной операции везение ой, как пригодится! Поэтому его выбор пал на Грига.

31 августа, на совещании у Старика провели анализ положения и пришли к выводу, что для ликвидации угрозы Масуда требуется особое мероприятие. Старик приказал Адмиралу лично заняться Панджшером, задействовав стокгольмскую точку. Решили, что «Симонов», а такой псевдоним выбрали, будет напрямую вести разведчика, выполняющего задание.

Адмирал знал, что избранник ответственно воспримет приказ. Удивляло волнение, с которым привычный ко всему ветеран разведки ожидал реакции Стокгольма. Григ обещал представить соображения сегодня. «Если ответ придет тухлый, – полагал Симонов, – то дело, считай, провалилось. Придумает парень комбинацию – раскрутим до конца». Было понятно, провал дорого обойдется сотруднику, а на карьере самого Адмирала можно ставить крест. Отмазаться не удастся, если прольется большая кровь. Он четко осознал это, когда Старик даже не поинтересовался его выбором разведчика. Сие означало, что ответственность полностью ложится на Симонова и на имярека в Стокгольме, обозначенного в шифровке.

Предвидя такую возможность, Адмирал совершил немислимый поступок – позвонил теще оперработника Софье Васильевне, с которой когда-то был знаком по командировке в далекой Камбодже. Там ее покойный муж возводил объекты советской помощи молодому государству. Григ не знал о знакомстве, да и его начальник вспомнил о нем, лишь просматривая личное дело сотрудника после совещания у Старика.

Поговорив с женщиной о том, о сем, Адмирал поинтересовался, как она справляется, оставшись вдовой. Та сообщила, что помогают дочь и зять, работающие за границей. Она давно не виделась со старым знакомым и не знала, где и кем тот работает. Поэтому не раскрывала подробностей: как волнуется за семью Матвея, как чуть не умерла от рака, как покупает мясо по блату в соседнем магазине через мясника Алика, которому зять присылает красочные пакеты с иностранными красотками. «Молись за детей, – сказал Адмирал, – им будет нелегко». От фразы и, особенно, тона собеседника по коже у Софьи побежали мурашки. Женщина ничего не ответила, жизнь в СССР научила помалкивать.

Симонов закончил прогулку и, мысленно перекрестившись, поехал на дачу. В Бога смутно верил, хотя церковь не посещал и молился редко, неумело. «Григ, верно, атеист, – подумалось. – Ну, да ничего, Бог помогает даже неверующим».

В 7.00 Адмирал приехал в спорткомплекс Центра и четверть часа плавал. Затем прошел в кабинет, позавтракал и стал читать телеграммы. Сразу привлек внимание ответ парижской резидентуры на его запрос. Агент-француз выяснил, что «Врачи без виз» не работают в районе Панджшера и не контактируют с Масудом, хотя и лечат боевиков в Пакистане. Как отмечал источник, 1 сентября секретариат «ВБВ» принял звонок от шведского члена организации, который проявил интерес к данной теме.

Григ начал действовать без согласования. «Нахал!» – вырвалось у начальника. Если бы сотрудник запросил санкцию на контакт со штаб-квартирой «ВБВ», то получил бы отказ, поскольку это уже было поручено парижской точке. – Парень кует, не отходя от кассы. Нагло? – Да. Однако сумел получить информацию в Швеции быстрее, чем резидент в Париже». Признак обнадеживал, хотя продвижения не получилось.

Ближе к обеду поступили новости из Стокгольма.

«Совершенно секретно. Особой важности. Черновик уничтожен.

Тов. Симонову.

Объект «А» не располагает нужными связями.

Объект «Б» нужными связями располагает, работающий в нем «Цельсий» (данные направляются отдельно) ранее имел личный контакт с интересующим Вас лицом (в дальнейшем «Гаишник»).

Предлагаю:

1. В связи с отсутствием нужных агентурных возможностей и с особым характером задания лично выйти на «Цельсия» через официальные связи, не использовавшиеся ранее в оперативных целях. Встречу с ним спешно готовлю.

2. В случае Вашего согласия прошу уточнить параметры задания по «Гаишнику» для планирования действий по «Цельсию».

3. Для соблюдения полной секретности прошу разрешить принимать оперативные решения, не докладывая резиденту и не составляя обычные отчеты.

Григ».

Сопроводительная шифровка была еще короче:

«Уве Стурстен, 1962 г. рождения, швед, член социал-демократической партии, председатель неправительственной организации «Шведская помощь».

Конспирация требовала не привязывать установочные данные объектов к содержанию телеграмм оперативного содержания. Такие сведения передавались в отрыве от планов или отчетов по проводимым операциям. В информационных телеграммах не разрешалось делать ссылки на обстоятельства, которые позволяли бы вычислить источник. Только получив обе депеши, руководитель смог оценить замысел Грига.

Адмирал тут же снял трубку прямого телефона Старика:

– Операция «Пакет» стартовала в Стокгольме.

– Что практически сделано?

– Сотрудник нашел нужного человека, готовится вступить в контакт.

– Неплохо для начала. Есть трудности?

– Пока нет. Просит уточнить задание, чтобы иметь «мясо» для планирования.

– Направь первый «пакет». Не больше.

– Есть.

Итак, начальник разрешил передать часть задания. С ее получением Григ начнет погружение в трясину, чтобы заманить туда и Масуда. Совесть ветерана требовала дать разведчику хотя бы намек на истинное положение вещей. Сориентируется – молодец, не сумеет – сгорит. Ответ из Центра поступил следующий:

«Тов. Григу.

Ваши предложения № 1 и № 3 утверждаем. По пункту № 2 следует привлечь «Цельсия» к сотрудничеству для доведения до «Гаишника» предложения советского руководства. Оно включает оказание экономической помощи в обмен на недопущение нападений на наши войска в зоне, контролируемой объектом. В качестве стимула пообещайте «Цельсию» содействие в доставке через территорию СССР партии гуманитарного груза в район базирования «Гаишника». Можете использовать и традиционные стимулы.

Симонов».

По сути, Адмирал просто ответил «да» на вопросы оперработника, немного прояснив смысл задания. Концовка подсказывала разведчику: «Поступай, как сочтешь нужным». Хотелось, чтобы Григ понял мотивы, двигающие Центром, стал в итоге более решительным и, в то же время, более осторожным. Качества мало совместимые, но необходимые.

«Почему он выбрал столь дурацкую кличку для Шаха? Спрошу при случае, – подумал ветеран, встречавший сотни псевдонимов. Ему претили вычурные и помпезные имена. «Гаишник», наоборот, звучал приземлено и обидно для «панджшерского льва». «Цельсий» –

хорошо. Послать изобретателя шкалы градусника проверить пульс и температуру у самого горячего душмана – остроумно! Юмор на секунду солнечным лучиком пробил тучу раздражения. Вспомнился Мюнхгаузен в исполнении Олега Янковского: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь». Кстати, там еще что-то звучало и про время для подвига.

Через час в кабинет Адмирала прибыли два старших офицера: майор из спецотряда «Каскад» и полковник из резидентуры «Карпаты».

«Каскад», созданный в ходе афганской войны, подчинялся напрямую руководству КГБ. Позже его переименовали, но старое название осталось в обиходе. Командование 40-й армии не имело контроля над его операциями. Бойцы набирались из молодых оперов контрразведки и погранвойск, имевших отличную физическую и огневую подготовку. Решительный характер, умение управлять любым транспортом, знание радиодела и медицинские навыки считались необходимыми качествами. Часть бойцов была из среднеазиатских республик, имела южную внешность, знала местные обычаи и языки. Используя советский опыт борьбы с басмачами, отряд действовал на вражеской территории, опираясь на сеть полевой агентуры и контактов среди населения. Главными функциями являлись уничтожение полевых командиров, перехват каналов снабжения моджахедов, инициирование конфликтов между антиправительственными силами. Группы нередко оперировали в афганской одежде и выдавали себя за душманов. Вне поля боя, напротив, маскировались под обычных советских солдат.

– Что нового по Масуду, – без преамбулы начал хозяин кабинета.

– В ходе весенней операции спецподразделением ГРУ и КГБ не удалось ликвидировать моджахеда. Часть его сил уничтожена, наши потери невелики. Маловероятно, что можно подготовить успешный рейд, – отрапортовал высушенный солнцем начштаба «Каскада».

– На Масуда произвело сильное впечатление, что вы подобрались к нему вплотную, – вмешался полноватый руководитель «Карпат». – Он не ночует в одном доме дважды, при нем постоянно находится не менее трех личных телохранителей, в переходах его сопровождает большая охрана. Шах может пойти на сделку с нами и не станет мешать выводу войск.

– Знаем его готовность, – проворчал Адмирал. – За войну трижды заключал перемирие и всегда нарушал его первым. Вот, 10 августа захватил Кундуз. Воспользовался уходом наших войск и напал на правительственный гарнизон. Где гарантия, что вновь не ударит в спину?

Полковник и майор промолчали, хотя считали, что Масуд готов на время выйти из игры. Лидер этнических таджиков копил силы для грядущей разборки с конкурентами: армией Наджибуллы, антиправительственным Талибаном и лояльной к правительству узбекской дивизией генерала Дустума. Причем и Наджибулла, и лидеры талибов являлись пуштунами. Поэтому победа одной из двух сил не давала Ахмад Шаху какого-либо контроля над Афганистаном. Союз с Дустумом выглядел логичным, поскольку вел к уменьшению влияния пуштунов, то есть приближал узбеков и таджиков к созданию федеральной власти в стране. Офицеры знали, насколько эфемерны союзы в Афганистане – оппортунизм и предательство там считались за доблесть. Хотя в ближайшие полгода именно коварные планы Масуда на будущее открывали возможность снизить исходящую от него опасность для 40-й армии.

– Уменьшилась активность банд? – поинтересовался замначразведки.

– В районе от Кабула до Саланга крупных боестолкновений нет два месяца, – сообщил полковник, – только единичные обстрелы.

– Наши группы мирно расходятся с таджиками, – добавил майор. – Мы, как нам и приказывали, не трогаем их, они нас. «Духи» настроены на перемирие, выставляют открытые заставы на дорогах. Население спокойно, торговля бойкая. Почти мирная ситуация. Тем не менее, наши ребята, как и моджахеды, держат палец на спусковом крючке.

– Можете идти, – отпустил «каскадовца» Адмирал. – Подберите точки для десантирования в долине, аэродром подскока для вертолетов поблизости. Две группы держите в резерве для спецзадания. Полная секретность. Подробности позже.

Майор щелкнул каблуками и вышел.

– Есть что добавить, полковник?

– По вашему указанию, доводим до Масуда через его связи заверения в готовности Москвы оформить перемирие. Тот вроде не против, хотя сетует, что не верит русским. Агент кабульской госбезопасности по кличке «Тунгус»...

– Двойник, которого я не велел трогать?

– Совершенно верно. Наш анализ показывает, что он не двойной агент и передает неплохие сведения. Скорее контрразведка Шаха его вычислила и использует втемную для доведения до нас своих тезисов. Месяц назад «Тунгус» сообщил, что его босс хотел бы получить с Запада подтверждение серьезности наших намерений.

– Помню.

– Мы просили узнать подробности.

– Не тяни кота за хвост!

– Позавчера в тайнике связник нашел записку, где со ссылкой на источник, очень близкий к Масуду, указывается на Швецию как возможного «гаранта». Мол, нейтралы и т. д.

– Б...! Почему не телеграфировал?

– Вы же меня вызвали на сегодняшнее совещание. Думал, доложу вам лично, а потом оформлю как официальное агентурное донесение.

– Какое, на х..., донесение! Никому ни слова. Записку уничтожить. Береги агента! Его сообщения срочно направляй только мне. Он может пригодиться для комбинации.

– Понимаю. Сделаю.

– Молодец! Держись, полгода осталось. Личному составу передай, что после вывода руководство не забудет проверенных Афганом оперработников. Во сколько самолет?

– Борт из Чкаловской в 21.00. Посадка в Баграме рано утром, пока душманы не так активны. Хотя обстрелов «стингерами» почти нет. Затаились, сволочи.

– Майора в дороге погладь по головке. Намекни, что, если справится, возьмем в разведку. Только не переборщи.

Попив чаю, Адмирал позвонил Старику. «Уехал на Лубянку, вызвал Председатель Комитета», – отрапортовал дежурный. «И ему несладко, – не без сочувствия подумал Адмирал. – Верно бабушка говорила: «Всех жалко, а себя жальче всех». Надо вздремнуть, опять придется работать ночь-заполночь».

Из комнаты отдыха, связался с начальником Оперативно-технического отдела, занимавшегося спецсредствами для разведопераций.

– Что сделано по «пакету»?

– В работе. Профильный институт обещает довести изделие к концу месяца.

– Полковник, вы в своем уме? Две недели даю. Максимум.

– Понятно, товарищ Адмирал, – выдохнул начальник ОТО. Повесив трубку, подмигнул сам себе: время исполнения он всегда называл с запасом. Изделие почти готово, осталось завершить испытания. «Очкарики» обещали подготовить через пять дней. «Пакет» являлся необычной продукцией, но у оперативников вечно фантазия плещет через край.

Очевидно, затевалось нечто особенное, поскольку даже начальник ОТО не до конца знал суть проекта. Привлекли еще каких-то специалистов, причем действуя через его голову. А ее следовало беречь: до выхода на пенсию оставался год. Следовало его отсидеть тихонько и не напортачить. Поэтому поручил реализацию задания заму, майору помоложе. Коли что не так, он и ответит.

Глава 7. Банк

6 сентября

Хрупкий официант снял улыбку, китель и колпак, положил дневную выручку в банковский портфельчик, аккуратно закрыл дверь и включил сигнализацию. Закурил и двинулся к «Т-Сентрален» – центральному пересадочному узлу стокгольмского метро. По дороге сдал выручку: открыл клиентским ключом наружную дверцу сейфа-приемника «Скандинависка Эншильда Банкен» и бросил в нее портфельчик. Деньги скользнули вниз по трубе в подземное хранилище. Погода стояла хорошая, и афганец не спешил, так как Фарук предпочитал принимать клиентов поздно. «Днем, наверное, курит дурь и блондинок трахает, – размечтался парень. – Бабок у него куры не клюют, а живет в жалкой квартирке в Ринкебю, где обитают одни пришельцы. Интересно, где держит деньги, не в банк же сдает?»

Тема денег занимала второе место после грез о сексе. Парень мечтал о своем деле, сначала думал о прилавке на рынке, затем привлек ресторанный бизнес. Чтобы открыть кафе или закусочную не хватало опыта и средств. Опыт – дело наживное. Что касается финансов, Карим видел два пути: наркоторговля или ограбление. Первый ассоциировался с длительным временем и опасностью ареста. Второй представлялся разовым мероприятием, но напасть на банк или ювелирный магазин в одиночку – нереально. В одиночку можно ограбить человека, только пока богатые люди не попадали в поле зрения. За исключением Фарука, которого юноша боялся и ненавидел. И чем дальше, тем больше. Dr. Oban, правда, тоже имел деньги, однако Карим их не видел, кроме скромного оборота кондитерской.

Афганец попал в Швеции милостью Аллаха. Отец добывал полудрагоценные камни на примитивной шахте. Получал мало, и все же достаток многодетной семьи превышал доход крестьян. Таджик считался зажиточным и отдал сыновей учиться читать и писать. Старший уже подрабатывал в «автосервисе», где из ничего делали запчасти для машин и ничем их чинили. Младшему разрешалось играть в футбол, хотя мулла порицал. Однажды случился бой кого-то с кем-то. В кишлаке пострадало больше мирных жителей, нежели бойцов. Раненого осколками мальчика, потратив семейные сбережения, отправили с караваном в Пакистан. Оттуда его забрала датская гуманитарная организация.

В Королевском госпитале Копенгагена сделали операцию, а потом хромым беженец был усыновлен шведской парой. В Стокгольме ему нравилось, хотя вписаться в общество не складывались. Манило благосостояние страны, и не снившееся мальчику из горного кишлака, где на 10 долларов неплохо жилось целый месяц. Материальную пропасть хотел преодолеть одним прыжком – взять и разбогатеть. То, что блага являлись результатом столетий труда нации и десятилетий работы индивидов, Карим не принимал в расчет. В Афганистане люди упорно трудились и получали гроши. Шведы работали не столь долго и тяжело, а их благосостояние было невообразимо выше. Карим сделал простой и неверный вывод: большой доход здесь не зависит напрямую от усилий. А раз так, то можно мало делать и много иметь.

Из приемной семьи ушел рано – «родители» напрягали нравоучениями. Фамилию Седерберг сохранил. Он тяготился своей маргинальностью, а учиться не желал. Влекло в торговлю. Магазины манили обилием товаров, на краже которых не раз попадался по малолетке. Мечта о красивой жизни переросла в желание завести собственный бизнес. Последнее время парень подрабатывал у Dr. Oban. Зарплата казалась мизерной, чаевые – скудными. Отец на прощание сказал: «Назад не возвращайся». Карим и не думал вернуться, чтобы горбатиться на шахте. Просто ждал особого шанса, уверенный, что не упустит его.

Фарук жил в приличном районе, оформив контракт на вдову дальнего родственника. В Ринкебю держал «офис» для общения с желающими сделать перевод. Клиенты не могли

или не хотели пользоваться услугами банковской системы. Часто они отправляли деньги в места, где банков вообще не было. Да и получатели средств обычно не имели счетов, даже если банки существовали. Многие не желали засветить доходы от нелегальной деятельности, будь то воровство, проституция или торговля наркотиками. Теневая экономика требовала теневых финансовых услуг. Фарук умел и любил действовать в тени.

«Хавала» требовала конспирации, поэтому «офисы» пакистанец не снимал, а выгонял неплатежеспособного должника и пользовался помещением. В дешевых пригородах – обители клиентов, существующих и потенциальных. Последний квартиросъемщик в августе съехал и скоро контракт на жилье получит другой человек. Телефон за неуплату отключат только через месяц, а пока можно бесплатно им пользоваться. Менять явку «банкиру» не хотелось. Ринкебю его устраивал: публика восточная, место социально неблагополучное, полиция сюда предпочитает не соваться. Переезд в другой район означал бы временную потерю связи с частью клиентуры. Местной шпаны пакистанец не опасался, так как его услуги нужны местным авторитетам, смотрящим за порядком в преступных кругах.

Пока Карим ехал на метро, Фарук беседовал с Резой, который раз в две недели приносил 100–200.000 крон для переброски в Иран. Очевидно, деньги от наркотрафика. Сегодня принес 400.000, и «банкир» повысил ставку за риск, ссылаясь на трудности конвертирования столь больших сумм налички. Иранец пригрозил найти другой канал. «Ищи, – съехидничал Фарук, – в каждом банке можно сделать перевод без вопросов со стороны клерков и, тем более, без указания фамилий и адресов. Скажи, мол, в Тегеране за «бабками» от Резы придет Нури. Тебя примут в объятия и вместе с «баблом» сдадут полиции. У меня совсем иначе: ни вопросов, ни рисков. И в налоговую инспекцию не сообщаю».

Иранец остался недоволен новыми условиями и издевками, стал размахивать руками. Потом остыл и сумку с черным налом оставил, оговорив, что заберет через два дня, если «банкир» не передумает и не отправит по старому тарифу. Пуштун согласился, чувствуя, что Реза никуда не денется, ему просто нужно посоветоваться с боссом. В будущем Фарук рассчитывал поучаствовать в финансировании поставок наркоты и зарабатывать уже по двум направлениям. Занятие знакомое по Пакистану, но спешить не следовало – в Швеции дела делались иначе. Надо присмотреться и оценить перспективу. Поэтому «приставил ноги» к Резе, поручив палестинцу (должнику из шпаны) выследить клиента на пути от «офиса» до дома. Узнать, кто таков на самом деле. Информация – важный элемент успеха в бизнесе.

Карим узнал приклатненного юношу и поздоровался, увидев у обшарпанной пятиэтажки. Район и двор кишели пришельцами с Востока и их отпрысками. Родные запахи: свежих лепешек, жареного мяса, специй и анаши. Подросток также баловался наркотиками, вот и сейчас глаза блестели. Двигался расхлябано, но вальяжно. Что-то с ним было не как обычно. Может, обкурился? Афганец поинтересоваться.

- Салям, Махмуд. Что тут болтаешься?
- Фарук поручил выследить клиента. Я у него в команде.
- Ух, ты прямо шпионом заделался. Помочь?
- Давай. На пару легче. Обштопаем дельце, «банкир» останется доволен.

Через несколько минут наркоторговец вышел из подъезда. Оглянувшись по сторонам и пешеходными тропинками направился прочь. Миновав жилую застройку и выйдя к парку, иранец вновь окинул долгим взглядом окрестности, но в полутьме не увидел фигуры за кустами. Сел на скамейку, и тут подошел плотный мужчина. Завязался бурный диалог. Плотный звучал главнее, его громкие слова на фарси Карим слышал лучше, нежели оправдания первичного объекта слежки.

- Реза, вечно все портишь! И зачем только взял тебя на службу? Вернись за деньгами.
- Дядя, я заберу сумку послезавтра, если Фарук не передумает. Думаю, он продолжит работу на прежних условиях. День-два ничего не решают. Давайте подождем.

– Ладно, уговорил. Смотри, отвечаешь за «бабки». Не сделает перевод, послезавтра принесешь. Все 400 «штук». Понял?

– Понял. Как вы сказали, так и сделаю.

Для Карима родным был дари – афганский диалект языка фарси, на котором говорили в Иране. Поэтому он смекнул, что речь шла о серьезной сумме. Понял: что выпал шанс сорвать куш, что надо рискнуть. Оттащил палестинца подальше от скамейки и жарко зашептал в ухо, чувствуя, как напрягается напарник, превращаясь в подельника.

– Махмуд, сколько должен Фаруку?

– Он меня на счетчик поставил: тысячи три. Отдавать нечем. Отец дает по 50 крон в неделю – курам на смех. Иди, говорит, подрабатывай. Просто мечтаю вкалывать как ишак.

– И у меня долг большущий. А вот те иранцы балакали, что оставили у Фарука большие «бабки». Может, грабанем старика и поделим навар?

– Круто. И как мы это сделаем?

– Я с ним забил встречу на девять. Войду и шарахну по башке. Деньги прихвачу и к тебе.

– Круто, а мне чего делать?

– На шухере постоишь минут пять.

– Круто. Пошли.

Бросив слежку, парочка двинулась назад. По дороге Карим поднял из урны пластиковый пакет супермаркета «Консум» и поискал что-то тяжелое. На его удачу ледник, проходивший через Скандинавию 17 тыс. лет назад, выворотил и обкатал миллиарды кусков гранита. Один валун афганец аккуратно взял пакетом, надев последний на руку как перчатку, затем вывернул пакет. Камень оказался внутри. Ему нередко приходилось так убирать собачьи кучки возле кондитерской – Dr. Oban требовал чистоты. С кистенем в руке (булыжник заменил гирию, пакет – цепь) Карим шел вперед. Сзади, вертлявой лодочкой за кораблем, следовал по синусоиде Махмуд.

Позвонив в квартиру, афганец повернул лицо к дверному глазку, чтобы хозяину было хорошо видно. Впустив клиента, «банкир» уселся на диване, оставив посетителя стоять перед собой. Инстинктивно оберегая хромую ногу, Карим оперся левой рукой на дверной косяк. Выдержав подобающую паузу, хозяин брезгливо поинтересовался:

– С чем пришел, оболтус? Опять просить в долг?

– Уважаемый Фарук, принес деньги перевести отцу. Вы же знаете, я так делаю раз в квартал. Не откажите.

– Сколько? Родителям помочь не можешь толком, крохи отправляешь.

– 500 крон. Надеюсь, вы накинете немного сверху за информацию.

– Что плетешь, какая информация?

– Помните, велели обращать внимание, если что важное услышу?

– Ну, если важное. Говори.

– Так в обед мужчина спрашивал Dr. Oban про Ахмад Шах Масуда. Тот позвонил какому-то Уве. И Уве сказал, что знаком с моджахедом. Масуд – главный в краю, где моя семья живет. Властелин Панджшера.

– И это все?

– Там драгоценные камни добывают. Там...

– Что за ерунда! Урод, ничего не получишь. Оставь деньги и пошел вон. Время только отнимаешь попусту.

В мгновение скользящим движением, словно танцовщик балета, Карим сделал шаг вперед и ударил «банкира» по голове сверху вниз. Пакет крутанулся вокруг правой руки и придал дополнительное ускорение булыжнику. Череп треснул как спелый арбуз, выплеснув наружу кашлицу из крови и мозга. Враг, олицетворявший зло и несправедливость мира, был

повержен. Одним ударом! Карим впервые в жизни почувствовал себя победителем. «Я сделал! – раздался крик в душе, вкусившей, наконец, свободу. Свободу поступать, как хочется, пусть даже убивать, по его, Карима, воле. Афганца пьянила и собственная ловкость – киношные японские ниндзя с нунчаками могли бы позавидовать.

Годами копившаяся ненависть дала мощнейший выброс адреналина. Кровь стучала в висках, когда парень обыскивал квартиру, двигаясь как охромевший от капкана и вырвавшийся из него снежный барс. Видя сквозь стены, чужа запах денег на расстоянии, он нашел на кухне увесистую сумку с толстыми пачками и заурчал от радости. Не прикасаясь к трупу и даже не осмотрев карманы, афганец метнулся на улицу. Окровавленный пакет предусмотрительно вывернул наизнанку и захватил с места преступления, чтобы позже выбросить улику в мусорный бак возле метро. «Ни одной ошибки, – восхищался Карим сам собой. – Мой день настал, удача пришла в руки и я ее не упустил. Настоящий воин!»

Валун остался лежать рядом с разбитой головой. В сравнении с ней камень был мельче размером и совершенно не пострадал от столкновения. Смотрелся он невинно, будто и не имел отношения к случившемуся. Белая прожилка делила серую массу на левое, чуть больше, и правое, чуть меньше, полушария. Прямо как мозг младенца. Младенец с такой асимметрией лучше воспринимал бы звуки и визуальные образы, рано начал бы говорить. А камень ничего не мог слышать, видеть и рассказать. Тупое орудие убийства.

Ребята спешили к станции. Махмуд, хоть и на полголовы выше, выглядел мелкой сучкой, бежавшей за альфа-самцом. «Ну, расскажи, – выспрашивал у афганца. – Как ты его? Что? Он кричал? Просил пощады? Сопrotивлялся? Крови много»? Опустошенный Карим молчал, глядя на отражение в черном окне пустого вагона, направлявшегося к центру города. Энергия покинула тело. Эйфория сменилась апатией. С усилием стряхнув ее, открыл сумку. Подельник ахнул от увиденных денег и попытался запустить внутрь руку. Ударив его по щеке, Карим, не считая, вручил палестинцу четверть добычи. Напарник не возражал, восхищение, если не поклонение, сквозило во взгляде. Туманила мечта – стать таким же крутым как старший товарищ. Скоро они расстались: Махмуд вышел в Сольне, где жил с родителями, а афганец поехал в Васастан, где снимал комнату на мансарде старого дома.

Карим не подозревал, что рядом на похожей крыше обитал Карлсон – «упитанный мужчина в расцвете лет». По соседству жил и Малыш. Здесь, по воле писательницы Астрид Линдгрэн, с ними случались веселые и не очень приключения. Впрочем, шведские детские книжки и вообще литература афганца вовсе не интересовали. Спустился в подвал, спрятал сумку с деньгами в чулане, который у каждого жильца был отдельным. Не заходя к себе – подниматься по лестнице тяжело – потащился к вокзалу, где у наркодилера купил дури.

Он редко употреблял наркотики, поэтому накурившись, возбудился и ввязался в групповую драку на Сергельсторг. Кого-то порезали в потасовке, и Карима, как медленно бегающего, задержал ночной пикет полиции. Поскольку задержанный плохо соображал и личных документов не имел, его оставили в «обезьяннике». Дежурный провел личный досмотр и сложил обнаруженные вещи в конверт. Туда попала и сигаретная пачка с записанным автомобильным номером Матвея.

Остаток смены выдался спокойным и страдающий от скуки молодой ассистент пробил номер по компьютеру. Пометка на дисплее подняла брови домиком: «При подозрении в правонарушении информировать ГПУ по номеру...». Набрав указанные цифры, полицейский попал на автоответчик, рекомендовавший оставить сообщение или перезвонить в рабочее время. Пришлось надиктовать несколько слов. «Жаль, не узнаю, что за особый статус у тачки, – посетовал дежурный. – Крупный гангстер? Или политик?»

Фарук или то, чем он был, прекратил терять кровь – она свертывалась, вступая в реакцию с кислородом. Белок фибрин образовал тромбы, закупоривая порванные сосуды. Первым умер мозг. Появились трупные пятна синюшного цвета: гравитация тянула кровь в ниж-

ние участки тела. Помутнела роговица, белки глаз пожелтели. Ссыхалась кожа, особенно слизистая оболочка губ, носа и пениса. Сжалась в комочек мошонка.

Тело остывало на градус в час. Rigor mortis охватывал мышцы— первыми затвердели конечности. Сократились соски и сфинктер, стали выделяться экскреты. Позже начнется самопереваривание тканей, затем гниение. Образуются вода, углекислый газ, а также метан, аммиак и сероводород. По отвратительному запаху экс-Фарука и найдут. До мумификации трупа дело не дойдет.

Глава 8. Пресс-центр

7 сентября

Ларе Торквист просматривал поступившие к утру сообщения, в том числе и звонок про обкуренного парня, имевшего при себе номер автомашины Алехина. Поскольку инспектор уже составлял рапорт по русскому, то сигнал отфутболили ему В участке выяснил, что дежурный сменился, а наркошу отпустили, установив личность: Карим Седерберг. По компьютеру Ларе установил место жительства и место работы. Последнее оказалось в ста метрах от телефона-автомата на центральном рынке. Поскольку шеф проявил внимание к теме, инспектор написал короткую докладную, отметив, что звонившим про Масуда мог быть Седерберг, поскольку тот работает рядом с автоматом и является выходцем из Афганистана.

Далекий от событий в Ринкебю и в ГПУ, Матвей направлялся на пресс-конференцию. Разведчик не ждал от откровений, хотя посетить мероприятие требовалось ради поддержания журналистского прикрытия и общения с коллегами. По дороге мысли крутились вокруг ответа Симонова. Начальство подтвердило важность операции и устранило сомнения в ее характере. Москва полностью согласилась с его предложениями. Прояснилась и цель задания, хотя многое оставлено за кадром. Не ясна последняя фраза Симонова – своеобразный карт-бланш и намек. Что значит «можете использовать и традиционные стимулы»? Купить, уговорить, запугать, соблазнить, убить?

Купить становилось сложно. Советская разведка не тратила больших сумм на агентурный аппарат. С развалом экономики денег становилось еще меньше. Люди в основном работали на идейной основе, хотя коммунистическая идея теряла популярность. Пугать опасно и часто контрпродуктивно. Соблазнение редко применялось за границей, оставаясь инструментом контрразведки, действующей на своей территории и обладающей широким выбором агентов. Убийства прекратились в 1950-е, да и тогда метод мог лишь заставить человека прекратить делать что-то. Оставались уговоры – не самый сильный стимул.

Пресс-центр первоначально служил помещением банка. Сводчатый зал начала века украшали голые электрические лампочки, превратившие его в образец скандинавского модерна. Не менее элегантно выглядел и Стен Андерссон – давний министр иностранных дел и один из столпов социал-демократии в Швеции. После так и нераскрытого убийства лидера партии и премьер-министра Улофа Пальме в 1986 году, именно Андерссон остался духовным отцом социал-демократов. Излагая видение обстановки в мире, министр упомянул и ситуацию в Афганистане.

Матвей владел искусством так задать вопрос, чтобы получить нужный ответ. В начале карьеры, когда ему объявили, что предстоит работать под журналистским прикрытием, начальник сравнил корреспондента с мухой, которая кружит над пахучей кучкой и которая своего добьется. Матвея сравнение сразу покорило грубостью, а позже стала понятна и его ошибочность. Разведку интересует не дерьмо, а деликатесы. Идет ли речь об информации, или о людях. Муха глупа, живет недолго, и прихлопнуть ее легко. Оперработник не считал себя дураком и хотел прожить долгую оперативную жизнь.

Алехин сформировал набор собственных приемов получить возможность задать вопрос. В случае с Андерссоном использовал нагло-яичный галстук, неизменно выбирая его для мероприятий с участием министра. Сначала тот просто тыкал пальцем: «Господин в желтом галстуке». Потом стал называть советским журналистом, а ныне именовал «наш коллега из Москвы». Ему запомнилось и качество затрагиваемых тем и аспектов. Вот и сегодня герр Андерссон третьим поднял Матвея.

– Господин министр упомянул заинтересованность Швеции в мирном урегулировании в Афганистане. В какой форме Стокгольм мог бы внести вклад в процесс?

Стен Андрессон дежурно попенял Москву за медленный вывод войск, но не стал критиковать США, Пакистан и моджахедов. Несколько фраз представляли интерес. Оперработник запомнил их дословно и записал на диктофон – пригодятся в беседе с Уве Стурстеном. Правда, прежде чем съесть еду, ее надо приготовить. Рецепт постепенно формировался. Для начала разведчик заехал в торгпредство. Представитель Совзагранавто пожегся, ожидая неприятного разговора, так как идти навстречу попам с их книжками не собирался. Матвей, имея санкцию Симонова, применил «традиционные стимулы».

– Старикан, оформляй отгрузку Библий, деньги нашлись.

– Правда?

– Я когда-нибудь обманывал? 10 тысяч крон пожертвовал швед-чудак.

– Это же половина.

– Достал своей жадностью. Дело благое, на контроле у посла. Ты командировку не хочешь продлевать? На Родину потянуло? Правильно про тебя офицер безопасности говорил...

– Что говорил?

– Да так, проехали.

Транспортник пригорюнился. В совколонии знали, что журналист вхож к послу. А вместе с офицером безопасности Алехин отмазал приятеля из торгпредства, когда тот тачку разбил. В данный момент обещает хоть какие-то деньги за перевозку, которую, вероятно, рано или поздно пришлось бы выполнить бесплатно.

– Ладно, только для тебя.

– Спасибо. Ты знаешь, за мной не заржавеет.

«О, времена! О, нравы! – удивлялся Матвей. – Бюджетные средства пойдут на церковные нужды. Шеф узнал бы, загрыз. Здорово, что Центр держит резидента в неведении. А мне выдал индульгенцию на любые грехи». И тут до разведчика дошло: намек содержался не в тексте карт-бланша, а в том, что он вообще был выдан. Симонов дал понять: «Поступай, как считаешь нужным. Справишься – отлично, нет – голова с плеч. И в том, и в ином случае методы и средства не будут никого интересовать».

Алехин понял, что достиг точки невозврата. Предстояло либо выполнять темное задание, либо выходить из игры. Последнее проще простого: сослаться на реальные препятствия и умыть руки. Но оперативник решил идти до конца. Цель, поставленная Центром, являлась слишком важной для страны. Народ устал от войны и хочет вернуть домой своих сынов. За это следовало побороться. Уйти в кусты означало бы отказаться от собственных убеждений. И, тем не менее, уверенности в своих силах и в успешном исходе не ощущалось.

Захватив Степу из школы и взяв Смера, разведчик заглянул в Институт Библии. Отец Жорович обрадовался согласию Совзагранавто перебросить груз. Югослав рвался сообщить епископу шведской церкви, но Матвей предложил прогуляться с собаками и обсудить детали.

– Видишь ли, Младко, мне нужно встретиться с епископом, чтобы поднять вопросы, касающиеся передачи столь большой партии академических Библий. На днях я разговаривал с Отделом внешних сношений Русской православной церкви. РПЦ считает правильным провести торжественное мероприятие. Поможешь?

– Отличная мысль. Договорюсь о встрече.

– Желательно в ближайшие дни.

– Постараюсь.

К ним присоединилась Анна, которая завершила приготовление обеда. Разговор перешел на другие темы. Так, сын обсудил со священником историю из детской Библии с картин-

ками, подаренной священником. «Дети – прирожденные вербовщики, – позавидовал Алевтин. – Пока говорить не умеют, взглядом завлекают взрослых. Как научатся щебетать, так накручивают спагетти на ушные раковины».

Расставшись с Жоровичем, семья двинулась к дому.

– Чем так доволен? – спросила жена. – Дела идут или зарплату прибавили?

– Как бы не урезали зарплату, в Союзе бардак. И так живем лучше, чем на Родине. Как там Софья Васильевна?

– Утром разговаривала с мамой.

– Здорова?

– Уверяет, что да.

– Так она правду и скажет. Звучала-то ничего?

– Нормально. Упомянула, что звонил Виктор Семенович – старый знакомый по Камбодже – спрашивал и про нас.

Оперработник вздрогнул: так звали замначальника разведки. Вот кто подписывается «Симонов». Старый лис вычислил тещу и через нее зашел на зятя. Он должен был осознавать риск утечки. Значит, умышленно посылал привет подчиненному. Секретная операция и открытый намек. Интересно, особенно в сочетании с карт-бланшем. Интрига закручивалась.

– Что вдруг повеселел?

– Дела налаживаются, тьфу-тьфу.

– Афганская история? Тот швед, которым интересовался у Dr. Oban?

– Он. Как только к нему подобраться?

Матвей принципиально не втягивал жену в оперработу. Хотя помощь супруги порой требовалась по мелочам. Но он ценил ее чутье на людей. Анна их воспринимала на уровне эмоций, флюидов или еще чего-то, понятного только женщинам. Ее суждение иногда становилось основой для его решений.

– А ты поезжай завтра со Смером на Ердет.

– Зачем?

– Помнишь плакат в кондитерской? Кто там стоял справа от твоего шведа?

– Борг из АВВА... Умница, ты просто чудо!

Чувственно поцеловав жену и нагло заглянув ей в глаза, разведчик заурчал от радости: «Пошла карта, пошла»!

Глава 9. Просьба

9 сентября

Домоуправ подметал наружную галерею пятого этажа. «И мусорят, и писают, и что только не делают жильцы, – ворчал пожилой африканец из племени теке. – Каждый день одно и то же». Обычный ход мыслей прервался, когда возле квартиры 46, уборщик почувствовал резкую вонь.

Приоткрыв щель для почты в двери, мужчина отпрянул – трупный запах до сих пор преследовал его во сне, хотя он старался забыть гражданскую войну в родном Конго. Кляня все на свете, домоуправ спустился в конторку муниципальной пятиэтажки в Ринкебю и вызвал полицию. Ему вспомнился толстяк, пару месяцев обретавшийся в злополучной квартире, к которому постоянно приходили разные люди. Последний раз пакистанец появлялся дня три назад. И вот там кто-то умер.

Криминалисты приехали через полчаса после прибытия патрульных, осмотрели место и вызвали труповозку. И без вскрытия понятно, что потерпевшего убили ударом камня по голове. Парадокс: лежащий рядом с телом валун чист, хотя крови вокруг предостаточно. Убитого не ограбили, в кармане нашли бумажник с 1470 кронами. По документами Фарук Барбар являлся шведским гражданином, получал социальное пособие по нетрудоспособности. Родственников в Швеции не нашлось. Сообщать о кончине оказалось некому.

В 46-м номере ничего интересного не обнаружили. Квартира вроде бы обитаемая, хотя в ней давно не убирались, и личных вещей нет. Постельное белье отсутствовало кроме подушки и матраса преклонного возраста и сомнительной чистоты. Похоже, там никто постоянно не жил – посуды почти нет, как и еды в холодильнике. На месте преступления эксперты сняли отпечатки различных пальцев, в том числе и с дверного косяка в комнате. Позже вскрытие указало на вечер 6 сентября как ориентировочное время убийства. По краям пролома в черепе нашли мельчайшие фрагменты полиэтилена, применявшегося для упаковочных целей.

Матвей закончил статью о лесной промышленности «Зеленый капитал Швеции». Тема оказалась поучительной: более половины чистого экспорта страны давала именно эта отрасль. Она мало импортировала для собственных нужд, хотя снабжала половину Европы бумагой, картоном и целлюлозой за счет восполняемого лесного ресурса. «Вот направление перестройки для нашей экономики – ведь в СССР леса в 10 раз больше, а толку в 10 раз меньше, – с горечью подумал журналист, которому было пора превращаться в разведчика. Анна занялась стиркой и уборкой, охотно отпустив Степу и Смера гулять с мужем на Ердет.

Огромная поляна Ердет – рай для собак, которых здесь можно спускать с поводка, а также для любителей конного спорта, воздушных змеев и пива. Закон не разрешал пить на улице, но здесь запрет растворялся в прозрачном воздухе и шуршании трав. Дважды в год на поле проводили маневры военные, разрисованные краской и замаскированные ветками.

Безусловно, тон задавали собачники и их четвероногие питомцы любых пород и мастей. Здесь им разрешалось даже гонять птиц и кроликов. Длинноухие днем без боя оставляли жизненное пространство псам и сукам, благоразумно отступая вглубь окрестного леса. Фазаны и куропатки не столь умны, поэтому приходилось им порой напоминать, кто главный. Сложнее с всадниками, имевшими право мирного прохода по специальным дорожкам. Такое своеволие раздражало некоторых собак, хотя другие радовались сочному запаху конского тела и вкусу навоза.

От европейского чемпионата по конному троеборью остались кое-какие препятствия. Выделялась покрытая дерном крыша избушки, вкопанной в землю. Возле нее по пятницам

собирались владельцы староанглийских овчарок. Бобтейл, лишенный хвоста и покрытый обильным мехом, напоминал вывернутый овчиной наружу тулуп с лапами. Длинная шерсть полностью скрывала глаза и, когда здоровенное чудо бежало в сторону несведущего человека, у того возникало обоснованное сомнение: зрячее животное или нет. Правда, русская тройка и в странной компании чувствовала себя уверенно. Смер обнюхивался с товарищами, Степа к ребятишкам залез на крышу, Матвей общался с взрослыми двуногими.

Борг ничем не выделялся, несмотря на всемирную популярность. В Швеции не принято акцентировать известность или богатство, как и приставать к знаменитым людям. Демократия. А собачники равны тем более. В центре внимания здесь оказывался не владелец корпорации с парой мраморных догов. Нет, центральный персонаж работал на бензозаправке, а его пес-дворняга описал брюки каждому десятому посетителю.

Оперработник появлялся на Ердете, чтобы заводить знакомства по «собачьей линии», и усвоил здешние нравы и обычаи. Главное – не лезть ни к кому, ни с какими вопросами. Сначала знакомятся собаки, потом, возможно, начинают общаться люди. Первое случилось часто, второе значительно реже. Народ чтит традиции скандинавской сдержанности и немногословности.

Контакт с музыкантом не отличался особой теплотой, хотя дружелюбие присутствовало. Оперативного интереса швед не представлял, а набиваться в друзья Алехин не стремился. В журналистском плане держал его в уме на предмет возможного интервью, если будет заказ. Матвей готовил материалы не только для своего журнала, а и для других СМИ, в том числе шведских.

Настало время использовать знакомство в разведывательных целях.

– Борг, правда, ты опять выступаешь?

– Нет. Только музыку пишу.

– А концерт в Сольне недавно?

– Пригласили для сбора денег беженцем. Сыграл на гармошке пару народных песен.

От кого слышал?

– Dr. Oban шепнул.

– Шустрый парнишка.

– Он дал мне телефон главного в «Шведской помощи» – Уве Стурстена. Знаешь его?

– Да, я же вхожу в попечительский совет «ШП».

– Мне бы со Стурстеном встретиться, обсудить одну идею. Но мы не знакомы. Не подскажешь, как это лучше сделать?

– В четверг заседание совета в «Культурхюсете», подъезжай к 16.00, познакомлю.

– Спасибо! Неслучайно мой риджбек дружит с твоим бобтейлом: по собаке узнаешь, каков хозяин.

Борг только ухмыльнулся в светлую бороду. Матвей обрадовался результату, отметив просчет в собственной подготовке – не уточнил состав попечительского совета «ШП». Погуляв еще полчаса, компания стала расходиться. Наступало время ужина. В кухне на Эссинге троюку ждали еда и Анна. В ответ на безмолвный вопрос жены Матвей просто кивнул.

– Больше ни о чем его просить нельзя, – уточнила она.

– Понятно, лимит исчерпан.

– В следующий раз захвати вкусненькое для бобтейла.

– Удачная мысль.

Алехин расстроился, что встреча с объектом откладывается почти на неделю, но торопить события не стал. Возможность для более скорого контакта не вытанцовывалась. Выход через Dr. Oban он не рассматривал как вариант – слишком легковесно. Борг – совсем иной посредник, солидный и правильный. Именно правильность каждого действия являлась глав-

ным качеством, стержнем операции. Нет права на ошибку. Имелся единственный объект, и подъехать к нему следовало гладко. Второго шанса на удачный заход не существовало.

Ощущалась потребность усилить позицию. Именно поэтому Алехин решил потратить 10 тысяч крон на доставку Библий. Инвестиция должна дать оперативную отдачу. Идея проста: Жорович организует встречу с епископом. Церковь – мощный спонсор «ШП». Стурстен прислушается к иерарху, если тот рекомендует серьезно воспринять предложение русского журналиста.

Оставалось продумать верную линию поведения с епископом, знатоком человеческих душ. «Провести его не удастся, – размышлял оперработник. – Буду вести себя искренне, раскрою душу». Отношение разведчика к служителям культа оставалось смешанным. Ему были понятны место и важность религии, церкви и священников в истории человечества. Многие вызывало уважение и заслуживало одобрения. Увы, святые отцы подрастеряли святость (у всех ли она имелась?), превратившись в чиновников в рясах. Их паства сокращалась. Созданная Лютером церковь пыталась с этим бороться, однако, утратив ориентиры, и она лежала в духовных руинах.

Глава 10. Ларе

12 сентября

Убийство в Ринкебю исчезло из заголовков и стало предметом рутинного расследования. Детализация звонков показала большое количество международных разговоров с абонентами на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке. Ларе Торквист, просматривая сводку за вчера, связал воедино адрес убийства с именем властелина Панджшера.

Зайдя к комиссару Эрику Маттсону, положил на стол докладную с выводами и предложениями.

– Так думаешь, следует подключиться? – начальник пригладил непокорную седую шевелюру.

– Да, шеф. Убит Фарук Барбар – вероятный участник разговора, в котором упоминался Масуд. Он был менялой и ростовщиком, связан с «хавала» и, вероятно, наркотрафиком. Есть русский шпион, который также увязывается с Масудом. Если у них есть что-то общее, то...

– Алехин – опытный оперативник. Вряд ли русский стал бы связываться с Барбаром. Его интересуют политики и министры, а не наркоторговцы.

– Речь идет об Афганистане, где наркотики и политика неразделимы. Косвенная увязка с убийством требует поставить телефон русского на постоянную прослушку. Для начала.

– Ты прав. До сих пор нам не к чему было придраться в его работе. Если выяснится, что парень имеет малейшее отношение к убийству, то вышлем из страны в два счета. Давай, подключайся к расследованию убийства «лица, подозреваемого в отмывании денег». Алехина пока не трогаем, чтобы не спугнуть. Разберись со звонками. Что-то они меня тревожат.

Торквист радовался шансу поработать в поле, от сидения в офисе у него понижалась физическая активность, а уровень гормона счастья падал. Приехав в полицейский участок, который вел расследование, он выяснил, что следователи считали дело «висяком», поскольку свидетелей в Ринкебю, как обычно, не нашлось. Стало понятно, что результат будет зависеть от анализа отпечатков пальцев и телефонных звонков. Среди владельцев пальчиков оказались лица, проходивших по полицейским базам данных, в том числе Карим Седерберг. Среди абонентов, говоривших с «банкиром», также нашелся телефон места работы афганца. Разочаровав коллег, что СЭПО не собирается забирать у них расследование, Ларе отправился в кондитерскую Dr. Oban.

Там увидел белозубого официанта, которого по архивному фото идентифицировал как Карима Седерберга. Решив оглядеться, заказал капучино с шоколадным ежиком (шоколад повышает эндорфин). Плакат с афганского концерта «ШП» сразу бросился в глаза. Больше ничто примечательного. Попивая кофе, Торквист размышлял: «Шеф хочет подшить Алехина к убийству, хотя ниток пока нет. Есть контакт Алехина с доктором, который чист как халат хирурга до операции. Да, и зачем шпиону убивать ростовщика – не в долг же у него деньги брал? Русские в последнее время снизили активность в Швеции. Последний раз они кого-то грохнули в Германии лет 30 назад. Мое дело раскрутить парнишку. На убийцу не похож: хромой и тщедушный».

Но инспектор знал, как внешность обманчива. Подозвал официанта, расплатился по счету и предъявил удостоверение.

– Рассказывай, приятель, как 6 сентября попал в кутузку.

– Что рассказывать: курнул чуток и вырубился. Там ребята подрались, а я не делах.

Афганец заметно волновался, хотя, судя по «послужному списку», имел опыт общения с полицейскими. Задержание на Сергельсторг – ерунда, которая не должна так напрягать. Ларе знал, что порой преступники скрывают участие в серьезном преступлении, специально совершив мелкое правонарушение. Неужели такой случай?

- Где до того был?
- Ну, на работе, потом со знакомыми общался.
- С кем и где?
- Не буду ничего говорить, ты все равно мне не веришь.
- Расскажи, что делал в Ринкебю?
- А когда? Я туда давно не ездил.
- Баки не забивай! 6 сентября, когда там пакистанца пришили.
- Ну, это когда было. Да, заехал, прошелся по площади, думал, кого из наших встречу.

Карим чувствовал, что полицейскому известно о его поездке в Ринкебю, и не пошел в несознанку. Правда, реально инспектор опирался лишь на факт, что парень бывал в квартире убитого и оставил там свои пальцы. По отпечаткам дату визита установить нельзя. Ларе «брал на пушку» в стиле криминальной полиции. Сработало: афганец перешел к легенде-алиби, оговоренной с палестинцем после преступления.

- Встретил?
- Да, Махмуда, фамилию не знаю. Потрепались. Потом он домой в Сольну, а я в центр.
- Сколько времени провел в Ринкебю?
- Может полчаса, до 9-ти вечера.

Получив признание, что афганец посещал место убийства в день преступления, Торквист ослабил нажим и использовал другой полицейский прием.

- Ладно, закончили. Дать закурить? Ой, курево забыл в участке.

– Здесь Джу Джу не разрешает курить. Скажу повару, чтобы прикрыл, и покурим на улице. У меня есть сигареты.

Карим расслабился и зря: пачка, которую афганец достал из кармана, была та же, с записанным автономером Алехина. Таджик курил экономно – табак в Швеции стоил дорого.

- Что за номер?
- Так, клиент один не расплатился, я номер записал, чтобы Джу Джу не придирался.
- Врешь!

Накачанная рука Ларса сжала тисками запястье официанта. Недолгая борьба взглядов, и афганец сдался.

– Заходил тут один мутный мужик с семьей, Афганистаном интересовался у Джу Джу. Я черкнул его номер на всякий случай.

- Кому рассказывал?
- Никому.

«Господин Седерберг просто в панике, – мелькнуло в голове у контрразведчика. – Попробую расколоть».

- Опять врешь. Придется тебя забрать на допрос.

Афганец испугался, не дай Аллах, в полиции его подтянут к убийству Фарука. Лучше отдать палец, чем всю руку.

– Думал шепнуть землякам про вопрос мужика об Ахмад Шах Масуде – тот ведь крутой моджахед в Афганистане. Вдруг кому интересно. Dr. Oban еще дал мужику телефон знакомого функционера из «Шведской помощи».

- Кому шепнул?
- Да, моему «банкиру», через которого деньги отцу в Афганистан пересылал.
- Из кондитерской звонил?
- Нет, с рынка рядом.
- Когда это случилось?
- 2 сентября.

«Полное совпадение, – обрадовался Ларе, ощущая прилив эндорфина. – Только бы парень не догадался, что мне известно про посещение им Барбара. Про пальчики, оставлен-

ные на дверном косяке, глупыш, видимо, и не помнит. Похоже, именно он грохнул ростовщика. Хотя такой маленький и слабый? Как мог камнем стукнуть пакистанца, который на голову выше? А может, просто оказался на месте преступления сразу убийства. Ну, пусть следователь ломает голову. Я должен разыскать Dr. Oban».

– Дай-ка мне телефон хозяина. Надо поговорить про того мужика.

– Пожалуйста, – выдохнул Карим, решивший, что гроза прошла стороной. – Только не говори, что от меня узнал.

Певец недовольно прослушал шестую запись забойного, надо надеяться, трека для нового альбома. На хит пока не дотягивало. В «тихой комнате» Bad Breath Records замигала сигнальная лампа.

– ЧТО!

– К тебе из полиции пришли. Срочное дело.

– Черт! Иду.

В кабинете директора ждал спортивный мужчина с ямочкой на подбородке и внимательным взглядом.

– Добрый день! Я – инспектор Торквист. Можешь называть меня Ларе.

– Чем могу помочь, инспектор? Автограф? Или желаешь поучаствовать в съемках видеоклипа?

– Смешно. Хотя, если в черной кожаной форме на голое тело, то – пожалуй. Увы, визит официальный. В твою кондитерскую недавно заходил иностранец и интересовался афганской темой. Так?

– Да, а откуда полиции известно? Телефон подслушиваете?

– Мы действуем строго в рамках закона. Расследуем преступление.

– С ним что-то случилось? Такой приятный чувак и семья милая.

– С ним пока ничего не случилось, а мне не положено вдаваться в детали.

– Что интересует?

– Разговор с «чуваком».

– Мужик спросил про плакат в кондитерской...

– Мне знаком данный плакат.

– Я сказал, кто на нем и почему.

– Кто и почему?

– Благотворительный концерт на футбольном стадионе в Сольне. На сцене кроме меня ребята из Army of Lovers, Борг из АВВА и главный из «Шведской помощи». Посетитель спросил, есть ли у «ШП» связи с одним афганским повстанцем – имени не помню.

– Ахмад Шах Масуд?

– Вроде, да. Тебе виднее. Я звякнул Уве Стурстену...

– Кто таков?

– Ну, главный в «ШП». Тот подтвердил, что знает моджахеда. Я дал чуваку телефон Уве. End of story.

Побеседовав еще недолго, полицейский покинул студию звукозаписи. Сразу позвонить Уве Стурстену не решился: тот являлся фигурой в молодежной организации социал-демократов, и на общение с ним следовало получить санкцию от шефа. Политические вопросы решались выше уровня инспектора. Вместо этого решил посетить Ринкебю: не надеясь обнаружить нечто новое, Торквист хотел осмотреться на месте преступления. Туда и поехал, сев за руль серого служебного «сааба» без полицейской маркировки.

Место выглядело скучно и бесперспективно, как и полагается в побитом временем и людьми пригороде. Обход территории ничего не дал, попытки опроса жителей Ларе даже не предпринимал. Чтобы побеседовать с домоуправом, спустился в полуподвал к конторе. Из открытого окна доносился разговор на повышенных тонах.

- Да, не знаю я ничего.
- Не испытывай наше терпение. Кто в тот вечер приходил в Фаруку?
- Разные у него крутятся люди. Я в тот вечер дома сидел.
- А кого чаще других видел? Не скажешь, пойдешь к дантисту. Скажешь, денег дадим.
- Ну, если пару сотен дадите, скажу. Крутился арабченок на подхвате – Махмуд зовут.
- Где его найти?
- Не знаю. Он часто отпивается здесь на площади. Пospрашивайте.

Поняв, что кто-то ведет расследование, параллельное полицейскому, Торквист отошел на противоположную сторону двора. Через минуту из конторы вышли двое мужчин восточного вида: молодой и постарше. Инспектор проследил их до парковки, где те сели в «опель». Преследовать Ларе не стал, записал номер машины и приметы мужчин. Решив, что на сегодня достаточно, отправился в офис, составлять рапорт.

На площади в Ринкебю вечерами толпились молодые жители. Группами по этническому признаку или по дружбе. Многие парни, а девушки встречались реже, переходили от стайки к стайке. Два-три «штатных» наркоторговца своим присутствием предлагали товар, но только знакомым клиентам. К каждому подошел Реза и, пошептавшись, удалился за угол. Там в «мерседесе» сидел босс.

– Дядя, точно, как вы и думали. Многие знают Махмуда. Лет 16, палестинец, живет в Сольне, тусуется в торговом центре.

– Есть след. Едем.

В Сольне Реза нашел пацана, который знал Махмуда и показал на того пальцем, получив взамен 20 крон. Приехавшие проводили палестинца на пути к дому, остановили его в укромном месте, били недолго и несильно. Тот сообразил, что нужно крутым мужикам, и «вспомнил», как Карим после Резы входил к «банкиру». О слезке за иранцами и остальном умолчал, объяснив, что Фарук давал ему в долг и привлекал для поручений типа «принеси кофе, купи сигарет». В день, о котором спрашивали, пакистанец велел постоять на стреме у подъезда час-другой. Отстояв «на посту» до 21.00, уехал домой. Об убийстве узнал из газет.

Парень сам предложил иранцам за пару пакетов дури вызвать Карима на стрелку. Ее забили на послезавтра в 20.00 в «Кебаб-хюсет» напротив вокзала.

Домой Махмуд пришел поздно, отец в очередной раз обещал выпороть. Ничего нового, кроме того, что он предал товарища. Но разве это сенсация в мире наркомании? Дурь спрятал в акустической колонке стереосистемы. Там уже лежали 87500 крон – остаток от его доли за убийство. Разбогатец, палестинец попробовал героин. Сильная вещь, но дорогая. Первый раз зацепило так, что ай-ай-ай. Второй прошел лучше. Впрочем, и это не новость среди наркоманов. Подросток осознавал, что укорачивает жизнь. Не понимал, правда, насколько.

Глава 11. Ритва

13 сентября

Обходя остров, Смер обнюхал и пометил стратегические столбы и деревья, а хозяин накоротке переговорил с Младко Жоровичем.

– Епископ готов принять нас в пять.

– Очень своевременно. Как к нему обращаться правильно? Ваше Преосвященство?

– Да, хотя в разговоре, как и к любому шведу, обращение только на ты. И еще: здесь не называют священников «отец».

– Понятно. Запомню. Где встречаемся?

– В Домском соборе. Там есть боковой вход рядом со зданием Биржи.

Разведчик завез сына в школу и зашел в здание совпосольства. Записался на прием к послу, заглянул в резидентуру, составил шифровку.

«Тов. Симонову.

Планирую установить личный контакт с «Цельсием» послезавтра. Для создания благоприятной атмосферы подключены деловые и личные связи объекта в церковных и богемных кругах. Прошу разрешения использовать десять пачек табака.

Григ».

Никто не помнил, когда начали именовать пачкой табака одну тысячу единиц местной валюты. Быть может, в годы Второй мировой войны? Тем не менее, термин оставался в ходу до сих пор. В оперативных целях купюры использовались только «чистые», иначе говоря, полученные из Советского Союза. Там их специально отбирали в Центробанке из числа обмененных туристами и командированными. Деньги, полученные посольством в шведских банках, применять в операциях запрещалось. Их могли пометить спецслужбы противника.

Резидент ждал появления разведчика в кабинете и пребывал в сомнении, отчего усердно и неосознанно жал любимый кистевой эспандер. Подчиненный не появлялся уже несколько дней. Или ему нечего докладывать, или результат есть, но скрывается по указанию Центра. Варианты не внушали оптимизма. Как буриданов осел, полковник не мог решить, чего же хочет: ясности или неведения. Проблему выбора между двумя одинаково привлекательными вещами описал еще грек Аристотель. Позже француз Буридан добавил, что выбор может быть замедлен оценкой результатов каждого выбора. Оценка не складывалась, обе возможности казались то привлекательными, то совсем наоборот. Алехина встретил прохладный прием.

– Здравствуй, Матвей. Зазнался, игнорируешь. Мы тут ночей не спим, о тебе тревожимся.

– Захар Сергеевич, как только, так сразу у тебя. Вышел я, вроде, на человечка, который нужен. Готовлю почву: пашу, вношу навоз, бороню. По схеме, – балагурил разведчик, чтобы не сказать ничего. – В детали вдаваться не положено. Требуется мудрый совет.

– Какой? – насторожился шеф, обычно являвший собой кладезь мудрости. Он мозжечком чувствовал, что информации не получит, а может вляпаться в мутную историю, дав подсказку. Буридан и тот бы растерялся.

– Посла хотелось бы подтянуть к делу.

– С ума сошел! Вельможа только навредит.

– Не, втемную, для антуража. Наши церковники собираются подъехать к шведам. Пусть посол поручит мне с ними поработать. Посольство проведет мероприятие по Библии Лопухина, потом красиво отчитается перед Москвой. Пресса будет. Думаешь, заглотит приманку?

– Как кот сметану. Любит, когда «Швеция» и «посольство СССР» мелькают в СМИ. А уж отчитываться обожает. Помнишь, заявил: «Не надо искусственно сужать рамки читательской конференции». А речь шла дюжине любителей русской литературы. Сам попросишь или я?

– Попробую сам. Если не получится, извини, тебе придется подключиться. И еще: дай десять тысяч. Санкцию Центра уже запросил.

– Забирай, хотя с деньгами нынче трудно. Центр плохо финансирует. Скоро придется вскрывать тайники, заложенные на случай войны.

– Понятно. Будем в лесах откапывать клады, война пока не предвидится. И потом, знаешь же, как я скромнен в оперативных расходах. Кроны лишней не потрачу.

Действительно, Алехин тратил крайне мало. Чтобы не бросаться в глаза – советский журналист с непомерными представительскими расходами выглядел подозрительно и даже нелепо. К тому же, давно понял, что сумма проеденных и пропитых денег не коррелирует с оперативным результатом. И, наконец, считал неэтичным шиковать за счет государства, которое не в состоянии обеспечить граждан приличной едой, одеждой и крышей над головой.

Закончив у резидента, Матвей переместился в большущий кабинет посла. В интерьере доминировали красное дерево и кожа. Бегал хозяйский спаниель. На совещаниях он имел привычку пристроиться к ноге кого-нибудь из присутствующих ради плотского удовольствия. Получив ощутимый пинок от Матвея, собака с первого раза прониклась уважением. Оно выросло после знакомства спаниеля с риджбеком. Чрезвычайный и полномочный пес смекнул, что Алехин является влиятельным самцом, коль скоро дает пинки и руководит мощным Смером. Примерно такие же взаимоотношения сложились и у хозяев собак: любви не возникло, а личный и рабочий контакт сложился.

– Егор Кузьмич, добрейшее утро! Видел вас по ТВ на регате в Рыцарском фиорде. Там еще местный министр внешней торговли рядом стоял.

– Здравствуйте, Матвей Александрович! Да, министр подходил обменяться идеями. Как там мой компьютер поживает?

– Доставят послезавтра. Сразу начну вас знакомить с техникой и программами.

Разведчик первым в совколонии приобрел персональный компьютер для работы. Посол приехал посмотреть и решил купить такой же, чтобы трудиться над «воспоминаниями». Ему, как бывшему редактору комсомольской газеты, нравилось считать себя писателем. Мессия собирался открыть миру глаза. Видимо, полагал, что на него не распространяется принцип: можешь не писать – не пиши. Глаза глядели на людей недобро, сквозь пелену собственного величия. Что очи видели интересного для читателей, оставалось загадкой.

– Шведская церковь хочет раскрутить историю с дарением Библий, пригласить Патриарха или хотя бы главу Отдела внешних сношений РПЦ. Как вы на это смотрите? Не подключиться ли совпосольству? Трудов никаких, общественный резонанс гарантирован.

– Звучит неплохо, а получится?

– Если вы поддержите, получится мощное мероприятие. Прессу пригласим. Прозвучит здорово. В перестроенной Москве воспримут «на ура».

– Надо подумать. Как бы не переборщить.

– Время есть. Кстати, вчера положительно решился вопрос с перевозкой в Союз. Сегодня увижу епископа Стокгольма. Может, что ему передать? Или вам встречу с ним подготовить?

– Передайте: в целом идея приезда делегации РПЦ выглядит своевременной. Разузнайте там, что и как. Пусть договариваются, а мы позже присоединимся к мероприятию. Я пока провентилирую в МИД СССР.

Комиссар Маттсон задумчиво вертел на пальце обручальное кольцо. Работа в полиции, и в СЭПО в частности, приучила к тому, что порой все не так, как кажется. История со звонками сначала казалась несвязанной компьютерной ахинеей. Потом появился запах опиума. Затем всплыли труп пакистанца и интерес советского оперативника к шведской помощи афганцам. Допустим, убитый замешан в наркоторговле или, скорее, в отмывании наркоденег. Что-то там не поделили и его убрали. А зачем русскому «ШП»?

– Интересно почитать. Но беллетристика. Ты же не думаешь, что русские убили «банкира» из Ринкебю, пусть тот и был связан с моджахедами? У Москвы проблемы совсем другого уровня в Афганистане.

– Что делать с Каримом Седербергом?

– Парень – клиент криминальной полиции, которая расследует убийство. К данным телесерфинга не можем предоставить доступ, это скомпрометирует секретность системы наблюдения за телефонами. Нарушение секретности противозаконно. Пальцы афганца у следователей есть, сами пусть работают по нему.

– А Алехин?

– Тут вкуснее. Ты прав, русский пикирует на Уве Стурстена. Похоже, вот-вот выйдет на него сам или направит агента. Будем наблюдать за Алехиным. На его машине есть маяк?

– Да.

– Проверь маршруты поездок и распорядок дня. Съезди, лично взгляни на него самого, издалека. Никаких контактов. Оперативник опытный, раскусит. Телефон на прослушке?

– Эпизодически. Он же не в активной разработке. Санкция есть, поскольку подозревается в шпионаже, правда, придаться особо не к чему.

– Телефонные разговоры впредь записывать постоянно и анализировать.

– Мне бы напарника.

– Работай один. *It's your baby*, – часто встречаясь с коллегами из Великобритании и США, босс захламлял родной язык англицизмами.

Маттсон связался со Стигом Оскаршерной – старым приятелем из Военной службы разведки и безопасности (МУСТ) – и пригласил на ланч в ресторан «Гондолен». Место с видом на Старый город было популярно у иностранных туристов, потому местные жители его не жаловали. Разноязыкая случайная публика гарантировала от встреч со знакомыми, а шум в зале – от возможного подслушивания.

Нейтральная Швеция пеклась о национальной безопасности, содержала внушительные вооруженные силы и серьезные спецслужбы. Несмотря на определенную конкуренцию, на верхнем уровне сложилось взаимодействие, а также обмен данными, источниками и кадрами. Проводились совместные операции. За столиком с селедками и олениной комиссар СЭПО и полковник МУСТ выясняли, тот ли случай.

– Стиг, возникла ситуация: советская внешняя разведка ищет выход на афганского полевого командира Ахмад Шах Масуда, – начал Маттсон. – Ее опытный оперативник – журналист в Стокгольме – определил, что организация «Шведская помощь» имела с моджахедами контакты, и срочно ищет контакт с председателем «ШП» Уве Стурстеном. Что скажешь?

– В Афганистане русские обломали зубы. Не знают, как ноги унести. Неясно: толи уходят, толи нет. Масуд у них как кость в горле. Его отряды мешают Красной Армии передвигаться по шоссе: с юга через Кабул на север к границе СССР. Могут совершать атаки на аэродромы Баграм и Кабул. НАТО отслеживает ситуацию, ищет информацию о действиях Москвы. Интересно, Эрик, зачем русским Стурстен и «ШП»?

– Недоумеваю. Надо прояснить картину. У тебя, вроде, был агент среди иностранных журналистов. Может, он даст подсветку?

– Ну, агент – громко сказано. Мы, конечно, используем журналистов, но шведских. Правда, есть источник, слабенький. Держим на подготовке, думаем перебросить на работу в Прибалтику. Совершил пару коротких поездок в СССР.

– Отлично, пусть походит рядом с русским медведем, потренируется в домашних условиях.

– А как оформим?

– Как межведомственную операцию. Мы защищаем шведского гражданина и шведскую организацию от враждебного проникновения. Вы собираете данные о выводе советских войск из Афганистана. Кстати, их не в Прибалтику перебросят?

– Штаб обороны как раз поставил задачу уточнить, куда выводятся эти части.

– Тогда составим план. Скромный. Договорились?

– А как иначе? Общее дело делаем.

– Конкретные действия согласуем позже. Устно. Когда познакомишь с твоим человеком? Времени мало. Почти цейтнот.

– Могу её вызвать.

– Её?

– Ритва Нурми – шведка, пишет для финского холдинга провинциальной прессы – прикрытие помогли организовать коллеги из Хельсинки. Член Ассоциации иностранной прессы в Стокгольме. Пойду, позвоню.

Через полчаса начальники вышли в соседний сквер, где к ним присоединилась девушка. Слегка за двадцать лет, скандинавская внешность, симпатичная – не более того. Рост 170, короткие волосы, стройная фигура. Одета в черные джинсы, кожаную куртку, на шее платок. Звонок секретаря Оскаршерны застал ее в пресс-центре, и пришлось спешить к месту встречи на велосипеде. Поэтому щеки покрывал легкий румянец. После взаимных представлений полковник оставил подчиненную с Матсоном.

– Когда появится ясность в деле, зайдешь ко мне на инструктаж, а сейчас комиссар поставит задачу на ближайшие дни и назовет объект.

– Фрекен Нурми, ситуация щекотливая. Официально пока ничего не происходит, хотя мы планируем совместную операцию. В ее рамках каждое ведомство ставит специфические цели, формулирует задания сотрудникам. Полковник даст инструкции по линии МУСТ, я – от лица Службы государственной безопасности. Так вот, мы засекали подозрительные шаги русского шпиона. Тебе знаком Матвей Алехин?

– Да. Хотя мне не велели с ним плотно контактировать, поскольку он – клиент СЭПО. Толковый журналист, ведет себя безупречно. Судя по манерам, опытный оперативник. Коллеги уважают, избрали в бюро Ассоциации иностранной прессы. Спокойный человек с чувством юмора, 35 лет, выглядит моложе, привлекателен. Жена, один ребенок.

– То, что ты его знаешь, упрощает задачу. Он выйдет на контакт с председателем «Шведской помощи» Уве Стурстеном. Знаешь его?

– Нет, хотя деятельность «ШП» представляю в общих чертах.

– Выясни подробности ее работы, особенно на афганском направлении. Алехин, видимо, стремится через герра Стурстена установить связь с афганским командиром Ахмад Шах Масудом. Надо опередить русского, первой завязать контакт со Стурстеном, вклиниться в ситуацию. Немедленно и аккуратно. Русский ничего не должен заподозрить.

– Я должна установить с Уве отношения?

– Да.

– Тесные?

– Можно и так сказать. Не мне тебя учить – ты же разведчик и журналист. Придумай что-нибудь несложное по-быстрому. И не волнуйся – считай это учебной задачей: сблизиться, разнюхать и доложить. С нашей стороны инспектор Ларе Торквист будет взаимо-

действовать с тобой. Вот его телефон. Больше про операцию никто знать не должен. Ни в МУСТ, ни в СГБ.

– Когда начинать?

– Немедленно. Со Стурстена. Если не ошибаюсь, то у тебя есть сутки форы, максимум двое. Позднее положение осложнится, внедрение станет затруднительным, если вообще возможным. Как на тебя смотрит Алехин?

– Трудно сказать.

– Странно слышать такой уклончивый ответ от девушки. Ты с ним спала?

– Не спала, хотя мужчина видный. Ко мне относится хорошо, но ровно. Слюни не пускает, в постель не зовет. Видимо, как женщина его не привлекаю, как кандидат на вербовку не гожусь. Последнее понятно – мое положение корреспондента мелких газет не вызывает интереса. Собственно, поэтому такое прикрытие и выбрали. Незаметный журналист, незаметная внешность.

– Не скромничай, внешность в порядке. Уверен, Стурстена сумеешь заинтересовать. Подготовься, продумай линию поведения и вперед.

Комиссар остался доволен результатами встречи. Удалось подтянуть МУСТ, что открывало перспективу встречной разработки Алехина прямо в ходе начатой им самим комбинации. Суть ее оставалась неясна, но контрразведчик чувствовал, что дело стоящее. Опытный шпион не стал бы ходить кругами вокруг руководителя «ШП» без веской причины. Конечно, нельзя исключать, что, Стурстен рассматривался советской разведкой в качестве перспективного агента, которого после вербовки можно двинуть на интересную должность в госаппарате. Парень пользовался авторитетом и состоял в кадровом резерве социал-демократической партии. Маттсон сомневался в реальности такого варианта, поскольку шпион действовал в ином ключе: использовал случайные связи, искал афганский след и слишком торопился.

Вернувшись в штаб-квартиру, комиссар заперся в кабинете с материалами по резидентуре советской внешней разведки. Сводки наружного наблюдения, выписки оперативно важных кусков телефонной прослушки, агентурные сообщения и анализ передвижения автомашин разведчиков за последние месяцы не свидетельствовали о чем-то необычном. Алехин не выделялся, вписывался в привычные рамки корректного поведения. В последние недели заметен спад: ни одной встречи с ранее засеченными источниками, ни намек на агентурные операции, редкие посещения резидентуры, зато странные контакты с церковниками.

Складывалось впечатление, что русский либо переживает оперативный кризис и ему не до вербовки Стурстена, либо затеял хитрую игру, нити от которой ведут в Афганистан. Одна версия предполагала возможность склонить Алехина к сотрудничеству с СГБ или передать для дальнейшей разработки коллегам из Великобритании или США. Против нее говорило следующее соображение: однажды русский уже отказал британской разведке, поэтому, если бы вдруг захотел остаться на Западе, то мог бы легко обратиться к англичанам. Другая версия таила интригу, и Маттсону нравилась таинственная перспектива. Она могла принести алмаз или кусок грязи. Каждый алмаз когда-то был грязью, которая после обработки высоким давлением и запредельной температурой приобрела ценность.

Примерно в таком же ключе взвешивал встречу и Оскаршерн. МУСТ остро нуждалась в бриллианте, которым можно похвастать перед министерством обороны и правительством. Развединформация, получаемая главным образом с помощью технических средств, годилась для анализа и отчетов о снижении боеготовности и морального духа Советской армии в Восточной Европе и на Балтике. А политикам хотелось слышать фразы «наш человек в Кремле докладывает» или, на худой конец, «источник в КГБ сообщает». Пусть дальше шел бы простой текст, цена его в глазах министров была бы значительно выше. И коллеги из

НАТО смотрели бы иначе, если бы полковник мог бы сослаться в разговоре на агентурные данные.

После того, как провалились Берлинг и Веннерстрем – советские агенты в военно-политической верхушке Швеции – спецслужбы страны всегда мечтали нанести ответный удар. Малейшая возможность отомстить воспринималась с энтузиазмом. На сей раз МУСТ ничего не пришлось делать самостоятельно, Маттсон сам принес на блюдечке шанс. Для военной разведки появился русский объект для получебной операции, в которой на шведской территории можно обрести полезный опыт. Непонятно, какой практический выход будет получен, но и не требовалось отвлекать силы и ресурсы МУСТ. Давно зная комиссара, полковник предположил, что тот скрывает потенциал странной комбинации из двух мужчин и одной женщины, сдобренной афганскими специями.

Почти на пустом месте складывался баланс информации и интуиции, интересов и мотивов, ведомств и личностей. Складывался без учета важных, еще неизвестных элементов как в Швеции, так и за ее пределами. Хрупкость конструкции еще не очевидна ни комиссару, ни полковнику. Структурный инженер объяснил бы, что скрытые изъяны проявятся со временем, сослался бы на принципы сопромата. В СЭПО и МУСТ таких специалистов не было.

Глава 12. Домский собор

13 сентября

Комиссар через дежурного связался с Торквистом по сотовому телефону. Мобильная связь только-только появилась в стране, еще не стала доступной для простых граждан. Главным образом использовался автомобильный вариант – переносной ящик с клавиатурой и трубкой.

– Здесь Маттсон. Ты где?

– На Эссинге. Осматриваю жилище Алехина.

– Ты вошел...

– Нет-нет, со стороны пока. Поговорил с соседкой и знакомлюсь с местом. Ничего примечательного.

– Тебе позвонит Ритва Нурми – военная коллега. Поработает по Алехину и Стурстену совместно с тобой. Будет рядом с ними как бы официально, как журналистка. Расскажи ей обстановку. Про Ринкебю ей знать не резон. Мол, вышли на русского по нашим каналам. Он, де, точит афганский зуб на «ШП» и ее председателя. А мы охраняем шведскую организацию и шведского гражданина от шпионских посягательств.

– Необычно, шеф. Как с отчетностью?

– Составляйте письменные рапорты отдельно, ссылаясь на совместную операцию ведомств. Докладывайте мне также устно. Больше никому ни слова. Повнимательнее, почувствую, что играем в пьесе с открытой концовкой.

– Есть.

Ларе заканчивал осмотр Эссинге. Район тихий, улочки пустынные. Удалось переговорить с пенсионеркой Ингрид, жившей по диагонали через дорогу от русской семьи. Под предлогом поиска заблудившейся собаки полицейский выяснил, что в интересующем его доме есть собака, правда, не «потерянный» пятнистый спаниельчик, а красновато-рыжий большой пес, у которого хозяева «из Москвы». Окно соседки выходило в нужном направлении и снаружи к нему крепились два зеркала под углом 45 градусов: улица просматривалась в обе стороны. Такие бабушки служили лучшими помощниками полиции, частенько сообщая о происшествиях и подозрениях. Торквист понял, что Ингрид можно привлечь к наблюдению за Алехиным, и дал ей свой номер телефона: «Вдруг спаниель найдется или что случится». Соседка обрадовалась, поскольку местные полицейские не принимали всерьез ее звонки в участок.

После рекогносцировки инспектор отправился к единственному выезду с острова. Там подобрал подходящее место, с которого планировал утром пристроиться за выезжающей машиной Алехина и проследить его в городе. Начинать слежку от дома нереально – любой незнакомый автомобиль с сидящим водителем выглядел там вызывающе и сразу привлек бы внимание жителей вплоть до вызова полиции. С выбранной точки видна и остановка автобуса № 56, на котором мог уехать объект. При движении пешком или на велосипеде русский также попадал в поле зрения наблюдателя.

Двигаясь к ГПУ, инспектор пережевывал разговор с комиссаром. Непонятно, почему тот зубами вцепился в русского, который и раньше числился среди известных сотрудников резидентуры КГБ. Шпион вел себя корректно, не давая оснований ни для высылки, ни для вербовки. Вероятно, причина внезапного оживления крылась в подключении МУСТ. Какой интерес у военных? «Надо выжать что-то из Нурми. Интересно, красивая девушка? – подумал Ларе. – Хорошо бы спортом увлекалась. Можно будет на пару. Глядишь, и споемся».

Голову Ритвы не занимали эротические надежды. Вернувшись в пресс-центр, она поднимала материалы на «ШП» и ее председателя, обзванивала знакомых. Выяснилось, на 16.00

послезавтра намечено заседание попечительского совета организации. «Вот почему Маттсон сказал, что у меня только 1–2 дня форы, – мелькнула мысль. – Там Алехин планирует закончить со Стурстеном». Нурми заблуждалась: комиссар не знал дату, но обладал отменным чутьем. Несмотря на логическую ошибку, женская интуиция привела к верному выводу о дате и месте. Требовалось спешить, и девушка набрала номер «ШП».

– Добрый день, Ритва Нурми из финского газетного холдинга. Могу говорить с герром Стурстеном?

– Добрый день, Уве Стурстен слушает.

– Готовлю материал о скандинавской помощи третьему миру. Ты ведь этим занимаешься?

– Да, возглавляю «Шведскую помощь». Мы действуем в гуманитарной сфере, регулярно отправляем грузы в слабо развитые страны.

– Отлично. Обычно в прессе упор делается на государственные каналы, что, на мой взгляд, явный перекосяк. Читателям интересней human touch, а не строительство фабрик. Многих раздражает «помощь» от Международного валютного фонда и Мирового Банка, которые на самом деле способствуют господству транснациональных корпораций.

– Полностью согласен. Именно гуманитарное измерение – стержень работы «ШП». Прямая помощь людям в третьем мире от шведского народа. Без условий, без навязывания идеологической или политической ориентации. Предпочитаем не сотрудничать с государствами, где у власти диктаторские режимы, хотя и там порой приходится работать.

– А мы могли бы встретиться и обсудить эту тему? У меня deadline – редакция планирует серию публикаций в ближайшее время.

– У нас послезавтра заседание наблюдательного совета. Приезжай. Внесу твоё имя в список приглашенных журналистов.

– Уве, извини, но не мог бы ты меня предварительно ввести в курс дела, чтобы я не сидела пень-пнем на совете. Давай, выпьем пива или кофе вечером. Буду признательна.

Голос девушки звучал наивно и беспомощно. Не колеблясь, Уве сделал выбор. Как полагал, на один вечер.

– Сегодня уже занят. Встретимся завтра. Хорошо?

– Да, устраивает. Где тебе удобно?

– «Бакфикан» подойдет? Часов в восемь?

– Увидимся там. Буду в палестинском платке. Знаешь, такой в клеточку.

Ритва чуть не запрыгала от радости. На встрече в известном ресторанчике рассчитывала закрепить успех. В раскованной обстановке заведения отношения развивались быстро. Девушка знала, что умеет нравиться мужчинам, хотя особенно ими не увлекалась. Главным в ее жизни была работа. Окончив школу военных переводчиков, Нурми применяла знание русского языка в армейской службе радиоперехвата, затем прошла спецподготовку в центре разведки и безопасности в Уппсале. В последний год начала участвовать в операциях под прикрытием. Швеция поддерживала стремление Прибалтики выйти из состава СССР, поэтому, когда советская империя зашаталась, а советские границы приоткрылись, шведская разведка нуждалась в новых оперативниках. Разрешение поработать рядом с русским означало прогресс в шпионской карьере. Предстояло оправдать доверие Оскаршерны и заслужить одобрение Маттсона. Первым номером следовало добиться расположения Стурстена, очаровать его.

Матвей в костюме, но демонстративно без галстука вышел из машины рядом с Королевским дворцом и поднялся к Домскому собору. Вокруг теснились средневековые постройки и узкие улочки, до стен которых местами можно было дотронуться, разведя руки. Чтобы сжечь оставшиеся семь минут, оперработник прошел мимо Академии наук, где еже-

годно оглашали имена лауреатов Нобелевской премии, всех кроме той, что за вклад в дело мира – она присуждалась в Норвегии. «За вывод из Афганистана Горбачеву дадут премию, – пришла догадка. – Миллион долларов – хорошая сумма. Мне, если операция пройдет удачно, тоже премию выпишут – рублей 500».

Войдя в собор, разведчик взглянул на жемчужину убранства – Георгия Победоносца. Статуя конца XV века считалась шедевром, хотя Матвей находил ее излишне декоративной. «Неживая», – на глаз определил как-то Степан – известный ценитель прекрасного.

Неживой казалась Алехину и сама церковь как институт. Хотя протестантская религия не навязывала церковь в посредника между верующими и Богом, она, как и православие, не вызывала душевного трепета. Он с уважением относился к вере людей, соблюдал библейские заповеди и иногда каялся в грехах, но лишь себе самому. В детстве бабушка по секрету, который Матвей сразу выдал родителям, провела обряд крещения в одной из еще открытых церквей Москвы. Отец-коммунист ничего не сказал, беспартийная мать улыбнулась – видимо, заранее знала бабушкин план. В зрелом возрасте Матвей так и не стал верующим, а тем более воцерковленным человеком. Тем не менее, войдя в готический храм, перекрестился и поклонился алтарю. Без какой-либо театральности.

Формально в Швеции две трети населения записаны в члены лютеранской церкви, а посещал службу только каждый двадцатый. Священники, озабоченные сокращением паствы, шли на самые неожиданные шаги: от музыкальных вечеров до футбольных матчей. Собор даже организовал психологическую помощь для брокеров с фондовой биржи, правда, очередь из кающихся финансистов не возникла. Проявлением «новой волны» стало участие церкви в акциях международной солидарности. Североевропейский совет церквей выделял на данные цели существенные средства.

– Нас ждут, – появился Младко Жорович и проводил приятеля внутрь служебных помещений.

– Добрый день, Ваше преосвященство, – громковато для гулкого кабинета с каменным сводом приветствовал Матвей.

– Добрый день, герр Алехин.

– Спасибо, что согласился принять. Мне удалось решить вопрос с доставкой Библий, и более нет технических препятствий для завершения проекта, начатого при щедрой помощи скандинавских церквей и личном участии епископа.

– Замечательно. Мы также собрали деньги на транспорт, но раз вопрос решен...

– Я разговаривал с моими контактами в Москве и с советским послом. Есть общее мнение, что передачу груза следует отметить церемонией в Стокгольме, поддержать духовное возрождение на моей Родине. Русская православная церковь переживает ренессанс, хотя трудностей много: нехватка священников, церквей, тех же Библий.

– Отличная мысль! Мы будем рады такому событию. Особенно здесь, в Стокгольме. Прихожанам полезно узнать, как богоугодно потрачены собранные ими средства. Каким видится формат мероприятия?

– Ни я, ни посол не вмешиваемся в экуменические вопросы. Формат – предмет диалога двух церквей. Думаю, епископу следует связаться с Отделом внешних сношений РПЦ и обсудить организацию церемонии.

– Тогда так и поступим. Разумеется, мы будем держать советского посла и герра Алехина в курсе. Не так ли, отец Жорович?

– Институт Библии для того и существует, Ваше преосвященство.

Епископ встал, обозначая конец аудиенции. Матвей, привстав, не двинулся с места: «Не мог бы епископ уделить лично мне пару минут?» Епископ вновь опустился в кресло. Югослав поклонился и вышел.

– Ваше преосвященство, позволительно ли обратиться с просьбой?

– О чем просишь?

– Как известно, Советский Союз начал вывод войск из Афганистана. Процесс идет трудно, сталкивается с оппозицией со стороны моджахедов. Подобное сопротивление находит, к сожалению, поддержку в западных столицах. В Москве также есть силы, не заинтересованные в быстрейшем завершении войны.

– Прискорбно, если конфликт затянется. Всемирный совет церквей однозначно высказался за мирное урегулирование в Афганистане.

– Наш общий долг предотвратить новые жертвы. Как, вероятно, помнит епископ, руководитель Отдела внешних сношений РПЦ подписал упомянутый документ Всемирного совета церквей. Я и мои влиятельные друзья просим содействия шведской церкви.

– В чем состоит просьба?

– Пытаясь добиться перемирия на период вывода, либеральные силы в советском руководстве планируют сделать ряд важных шагов в гуманитарной сфере. У меня есть поручение привлечь к благому делу западную общественность.

– И в Швеции?

– Да, епископ. Мне нужно срочно переговорить с председателем «Шведской помощи». Мы не знакомы, а необходимо, чтобы он отнесся серьезно к моему предложению. Шведская церковь оказывает серьезную финансовую поддержку «ШП». Моя мысль понятна?

– Да, вполне. Думаю, смогу помочь.

Епископ звякнул колокольчиком и велел вошедшему секретарю связаться со Стурстеном. Когда зазвонил телефон на столе, взял трубку и, глядя на Матвея, начал разговор.

– Здравствуй, Уве.

– Добрый день, Ваше преосвященство. Приятно удивлен звонком епископа.

– У меня находится русский журналист Алехин. Он активно участвует в нашем проекте по переизданию 50.000 экземпляров Библии для Русской православной церкви. Господин Алехин сэкономил нам массу денег, организовав финансирование доставки груза в Москву.

– Рад слышать, что получается столь крупный и полезный проект.

– Приглашу на торжественную передачу груза иерархам из СССР. А пока сэкономленные средства ищут применения. Понимаешь?

– О, да. У нас послезавтра заседание наблюдательного совета. Могу я намекнуть, что появляются новые ресурсы?

– Можешь. Прошу тебя срочно встретиться с герром Алехиным. У него интересное, важное и сложное предложение. Мне оно кажется перспективным. Завтра найдешь время?

– Увы, епископ, целый день буду в Уппсале. Послезавтра перед заседанием готов с ним увидеться. В 16.00 в Культурхусете.

– Договорились. Храни тебя Господь.

– Спасибо. До свидания.

Матвей встал и вместо того, чтобы пожать протянутую руку епископа, поцеловал ее. Тот вспыхнул:

– У нас, протестантов, так не принято! Здесь не целуют руки священникам в отличие от Русской православной церкви. Я – не Бог и даже не его представитель.

– А я – агностик. Однако промысел Божий требовал Божьего одобрения.

Попрощавшись, оперработник вышел из собора. Югослав пристально посмотрел на него и ничего не спросил – за годы служения церкви священник понял, как много у людей тайн, и не стремился их узнать. Раз русский пожелал переговорить с епископом наедине, значит, есть веская причина. Матвей благодарно полюбил друга. Обнять шведа в голову бы не пришлось, а «брата-славянина» следовало. Удалось начать неподъемное дело. Бурлила радость: «Как двинул фигуры! Дедка за репку, бабка за дедку... Поцелуй руки – удачный экспромт! Русские для епископа немного варвары, вот и я вел себя соответственно».

Запланированное инспектором Торквистом наружное наблюдение запоздало на сутки. Радиомаяк лишь показал, что «вольво» журналиста вновь, как и много раз прежде, побывала в Старом городе. Техника не смогла заменить людской ресурс, именно поэтому комиссар Маттсон и вводил Ритву в игру, пусть торопливо и неподготовлено. Техника помогает человеку, и человек должен ей помогать. Только в единстве они могли бы одолеть русского шпиона. Правда, у последнего имелось свое мнение на сей счет.

Глава 13. Соблазнение

14 сентября

Свет и шум из «Бакфикан» манили прохожих, следовавших мимо Королевского оперного театра. Современная пристройка к старинному зданию утяжелила его зад, а дверь ресторана действительно оправдывала название «Задний карман»⁴. Публика клубилась главным образом ради общения и новых знакомств. Преобладали молодые люди свободных профессий – от актеров до сутенеров. Случайные посетители встречались редко – многие знали друг друга или друга друга. Шумные голоса и дым коромыслом теоретически должны были затруднять общение, а на практике сильно облегчали его. Длинных разговоров тут не вели, ценились острое слово и меткая реплика. Алкоголь приветствовался как универсальное средство перехода с уровня на уровень дружбы или интимности.

Попадались исключения. Одно маячило у стойки со стаканом пива. Аугусто – беженец из Чили – денег у него не водилось, толстые безобразные очки могли напугать при случайной встрече в темном месте. По-шведски изъясняться толком не научился, хотя считал себя журналистом. На какое издание работал, никто не знал. Но женщин парень охмурял! Каждый его приход на прием в пресс-центре вызывал у коллег-мужчин массовый приступ зависти. Сегодня чилийца угощала рыжеволосая пассия, аккредитованная в МИД Швеции как посол Португалии. Далекий от дипломатии Аугусто скучал в ожидании финала вечера. В постели у него получалось здорово. И как женщины заранее угадывали его талант?

Заказанный столик еще не накрыли, и Уве с Ритвой толкались у бара. Девушка пришла чуть позже и сразу узнала председателя «ШП» по журнальному фото. В жизни он выглядел менее напыщенным и более мужественным. Рост за 180 см, светлые начавшие редеть волосы, крепкое телосложение. Держался уверенно, без наглости. Смеялся весело, чуть запрокидывал голову, будто горло смехом полоскал. Аккуратные руки без часов, с ухоженными ногтями – Нурми ненавидела грязноватые огрызки, типичные для иных мачо. Одежда неброская, хорошего качества. Отличные ботинки – визитная карточка аристократа.

– Хей, Ритва! – подошел к ней Стурстен.

– Как ты догадался, кто я?

– Такие глаза только у финских девушек. С саамским прищуром.

– Я родилась в Швеции. Мама – шведка. Папа – финн.

– Так финский говор у тебя от папы. Он – оленевод? Большое стадо держит, – Уве гнул несмешную линию.

– Нет у меня финского акцента, на севере Швеции так говорят. Работаю на финские газеты. Бывая в Хельсинки, чуть подцепила финскости. С оленями общаться не доводилось.

– Неудачно пошутил, извини. Не умею забалтывать девушек на голодный желудок. Пойдем, наш стол, наконец, готов.

Шведу сразу глянулась Нурми: самодостаточная и энергичная натура, без закидонов насчет равенства полов – не в смысле прав или статуса, а в плане, будто женщины такие же как мужчины. Уве никогда не спорил на данную тему, предпочитая обходить острые углы. Тем не менее, имел личное мнение о роли и месте прекрасного, но не слабого пола. Ему и следовал как в отношениях с подругами, так и на работе. Отчасти «консерватизм» тормозил его рост в организации социал-демократической молодежи, но мужчина, при скандинавской привычке идти на компромиссы, берег свои принципы, хотя не декларировал публично.

Личный контакт между полами в Швеции не состоится без «маленького разговора». Если беседа идет правильно, то контакт имеет хороший шанс быстро стать глубоким. Очень

⁴ «Бакфикан» (bakficka) – «задний карман» (шведск.)

быстро и очень глубоким. Незазорно переспать на первом свидании. Зачем терять время, коли настроение и партнер диктуют быстрый темп? Удачное впечатление – вперед, порой без тормозов, неудачное – извини, прощай, без обид.

Если слова не цепляют партнеров, толка не будет. Только у животных выделяемые феромоны четко влияют на поведение. У людей сексуальное влечение одной биохимией не вызовешь. Не обойтись без второй сигнальной системы – речи, способной передавать мысли и образы. Homo sapiens ее приспособили для флирта. Аугусто, видимо, относился к редкому виду Homo romanticus: о чем говорить, когда говорить не о чем, пора в койку. Стурстен, напротив, соблюдал этикет от альфы до омеги.

Журналистке нравился легкий тон, в котором проходило сближение. Проблема в том, что нравился слишком, как и сам Уве. Она разделяла мужчин на три группы: «нет», «может быть», «да». На «нет» время не тратила. «Может быть», обычно, оказывались пустышками. С «да» обстояло серьезнее. Стурстен определенно попал в эту категорию. Девушке не хотелось сложностей. И всё же, против воли она с удовольствием брала его слова и клала их себе в уши. К тому же у него приятные губы – по их движениям легко определить характер и искренность собеседника. Первый был твердым, но без жесткости. Вторая – природной, без наигранности.

– Расскажи о себе.

– Мама – учительница. Папа работает на семейство Валленбергов⁵. В школе учился хорошо. Уппсальский университет. Армия. Работал в Шведском агентстве содействия международному развитию. Потом в «ШП».

– Что в армии делал? Бегал, приладив ветки на каску, и стрелял из автомата?

– Мало стрелял, много таскал. В батальоне аэродромного обслуживания вешал бомбы и ракеты на самолеты. На учениях они садятся на закрытые для трафика участки шоссе, а там, в лесу, резервные бункеры с топливом и вооружением. К нападению Советов готовились. К счастью, оно так и не состоялось. Ныне у Москвы сил не хватит.

– И я служила в армии. Радиоперехватом занималась. В университете учила русский, понимаю хорошо, а говорю не очень. Практики мало. Хотя главное не то, что могу сказать, а что могу услышать. Журналист – посредник между тем, кто интересен, и тем, кому интересно. Если пишущая братия вставляет много отсебятины, получается пафосная ерунда. Как в космосе одни тела излучают свет, например, звезды, а другие светятся отраженным светом, как луны и астероиды. Вот, журналист должен отражать свет, а не изображать из себя солнце.

– Похоже, много размышляешь на такие темы. Большинство твоих собратьев по перу не задумываются о высоком, им бы новость погорячее, неважно хорошую или плохую. Ладно, а почему ты в журналистику подалась?

– Хотелось чем-нибудь творческим заниматься. Позже поняла, как много рутины и мало креатива. Идешь на пресс-конференцию, надеешься услышать актуальное и важное. А почти всегда слышишь «бла-бла-бла». Из пальца высасывать не умею, неизбитых сюжетов мало, социальные вопросы редакция считает нечитабельными. Мечтаю о репортажах, поездках, встречах с ньюсмейкерами. В шведском болоте журналисты тупеют. В горячих точках побывать бы, посмотреть мир. Западная масс-медиа заиклена на жизни «золотого миллиарда» людей, проблемы остальных 5 миллиардов ее волнуют мало и редко. Только если там что-то ужасное: война, эпидемия или голод.

– Мне доводилось бывать в третьем мире. Страх и ужас. Насилие и смерть. Нищета и болезни. Во многих местах ни еды, ни воды. Про медицину и образование говорить не приходится. Мы привозим туда гуманитарку, а местные царьки ее разворовывают, тащат на рынок продавать. Будет возможность, поезжай, и поймешь, как ничтожны события в сытой

---

⁵ Крупная финансово-промышленная группа – прим. автора.

Европе. По крайней мере, те новости, которыми нас кормит ТВ. Газеты лучше освещают мировые процессы, хотя тенденциозности и в них хватает. Если соберешься, то лучше ехать за счет редакции или спонсоров. Такие путешествия дороги и сложны в организации.

– Мне как фрилансеру платят мало, хотя обещают взять на контракт. Может, холдинг раскошелится, пошлет куда-нибудь. Лишних денег у редакции нет. Правда, тетя мне небольшое наследство оставила – акции, облигации. Хватает на жизнь без излишеств.

Разговор дрейфовал вокруг разных тем и деятельность «ШП» заняла в нем отнюдь не центральное место. Оба понимали, что покончив с ужином, вряд ли расстанутся. Поэтому, когда Уве предложил Ритве заехать к нему домой, чтобы передать печатные материалы «ШП», она сразу согласилась. И в обычном случае Нурми не стала бы отказывать такому мужчине, изображая недотрогу. А в рамках задания тем более. Парочка отправилась на такси в Юшхольм – пригород, облюбованный домовладельцами со «старыми деньгами». Когда добрались до ворот виллы, шпионке стало ясно, что в семье полный достаток.

Вид завораживал: полнолуние давало мистическое освещение, в котором вода и холмистые берега выглядели нереальной декорацией. Взиравший на сказочное величие большой дом в скандинавском стиле был построен в начале века. Он стоял так, словно разглядывая свое отражение в темном зеркале залива. За ним тщательно ухаживали, и здание выглядело благородно стареющим. Пройдя мимо основного входа и оказавшись перед боковой дверью, Стурстен открыл ее ключом и отключил сигнализацию. Видимо, лет 50 назад тут обитала прислуга, пока развитие общества не извело эту профессию. Ныне обособленная часть виллы стала квартирой взрослого сына богатых родителей. Редкий случай для Швеции, где дети рано покидают родное гнездо, а родители их не удерживают. Многие семьи потом вообще не поддерживают отношения. Стурстены к их числу не относились.

– Платишь предкам аренду за жилье? – поинтересовалась Ритва.

– Только сыновним вниманием. Квартира обходится неприлично дешево: для порядка плачу за электричество, газ и отопление. Отец с пониманием относится, знает, что в «ШП» получаю скромную зарплату. Он в «Скандинависка Эншильда Банкен» трудится членом правления. Время от времени предлагает мне уйти в бизнес, я пока не хочу. Если семью заведу, то придется искать высокооплачиваемую работу. Устроюсь на госслужбу или в международную организацию.

– Я редко с предками общаюсь. Они живут врозь, в Стокгольме не приезжают. Матери звоню иногда, хотя общих тем нет. Шведская семья по статистике состоит из 1,5 человека. Финляндия вообще вымирает. Грустно. Самостоятельность хорошо, а близкий человек нужен.

Стурстен обнял девушку, и оба забыли о заботах. Поначалу объятия были скорее дружеские: мужчина утешал взгрустнувшую женщину. Инстинкты быстро взяли верх, и пара перешла к ласкам. Возбуждение нарастало стремительно, и секс стал неизбежен. В ванну не пошли, запах и вкус не смущали. Стыдливость отсутствовала. Условности отпали. Партнеры без слов понимали друг друга и делали все безошибочно правильно. Природа в такие моменты «думает» за своих детей, оставляя им свободу плыть по течению. Уве и Ритва попали в ритм потока, их несло и несло. Река казалась длинной, любовное путешествие заняло полчаса. Не так много, зато течение было бурным.

Удовольствия достичь удалось, полного удовлетворения нет. Наступившую паузу заполнили душем и бокалом вина. Захотелось второго соития. И оно последовало. А говорят, что в одну реку нельзя войти дважды. Третий раз не получился, к взаимному облегчению – оба чувствовали усталость и заторможенность. Правда, Ритва предприняла вялую попытку, скорее имитацию попытки. Уве на провокацию не поддался – ему хотелось одного – спать. И сон пришел сначала к мужчине, затем к женщине: тихий, умиротворяющий и крепкий.

Перед тем, как нырнуть под теплое одеяло сновидений, последней управляемой мыслью Ритва стала констатация: к себе домой ей уехать не захотелось, и партнер не намекнул на желательность ее ухода. Важный признак того, что им предстояло встречаться часто. Так или иначе. В связи с Алехиным или в связи с... Мысль застряла где-то в нервных волокнах – состоявшее из них белое вещество мозга требовало отдыха. Серое погрузилось в отдых на миллисекунду раньше, генерируя потерявшийся в белом сигнал.

Глава 14. Предатель

14 сентября

«Кебаб-хюсет» славился вкусной пищей, привлекавшей голодных посетителей: от женщин в хиджабах до готов в пирсинге. Стокгольм накрывала волна интернациональной гастрономии, и быстрая еда шла в авангарде: пришельцы привезли с собой национальные кухни.

Карим пешком направлялся на встречу. Вчера в кондитерскую позвонил Махмуд и предложил «посидеть в кебабной – перетереть ситуацию». Встречаться с палестинцем не охота, однако, они отныне подельники. Афганец после визита инспектора Торквиста сильно волновался. Чудилось, что придут полицейские в кожаных куртках и потащат в участок. Допросят, задержат и доставят в суд, где судья примет решение об аресте.

Хотелось изобрести хитроумный ход, чтобы пустить полицию по ложному следу. Вспоминались зайцы на родине, на которых охотились с афганскими борзыми. Вислоухие совершали такие рывки и прыжки, так прятались, что быстроногие собаки часто не могли их взять. В голову ничего толкового не приходило, хотя парень даже посмотрел несколько детективных фильмов в поисках подсказки. Киногерои переводили стрелки на невинного, и Карим подумывал, как выставить убийцей Махмуда. Но подставлять соучастника посчитал опасным: выдаст. Варианты со сменой адреса и работы не годились, поскольку в Швеции достаточно где-то предъявить любой документ или кредитку, как власти узнают, кто ты и где.

Махмуд выбор уже сделал, убедив себя в его правильности: «Карим себе 300 «штук» взял, а мне сбросил жалкие 100. Пусть и отдувается, жлоб! Я вообще не при делах, меня никто не видел в момент преступления». Палестинец выбрал столик у окна, чтобы «заказчики» (звучало лучше, чем «бандиты») из «опеля» на улице рассмотрели афганца. За рулем сидел Реза, рядом – молодой мужчина с бородкой. Когда палестинец проходил мимо, молодой показал ему бейсбольную битку. Текст не требовался, оба понимали, что к чему.

Махмуд помахал вошедшему афганцу, и тот подошел к столу.

– Как идет, Карим?

– Ровно. У тебя?

– Отец достает, а так нормально. По «банкиру» новостей нет. Газеты ерунду пишут. В остальном тихо. У тебя?

– Работаю, сижу тихо, не высовываюсь. Ты деньги надежно заныкал? Пока не трать, иначе засветишься. Полиция наверняка сечет, кто вдруг бабками сорить начнет.

– У меня правильный тайничок. А ты куда бабло девал?

– Ясное дело, в банк положил! Отправил в Швейцарию на анонимный счет, знаешь, как шпионы делают. Типа приходишь, говоришь пароль или отпечатки пальцев сдаешь, а тебе выдают стальной ящик с пачками долларов.

– Ладно, хватить фантазировать, давай пожрем. Угощаю. Что хочешь?

– Кебаб из курицы. И воду «Рамлеса». Потом, может, фруктами отполирую. Я на работе удивляюсь: чего шведы столько мороженого и пирожных жрут? От того они такие крупные. Слушай, правда, детям сахар нужен, чтобы умнее становились?

– Брехня! Моя младшая сестра только сладкое и трескает, а дура-дурой.

За едой преступники обсудили, как ловко провернули дельце с «банкиром». На случай, если следствие выйдет на них, подтвердили взаимные алиби: гуляли в Ринкебю, встретились, поболтали, вместе уехали на метро по домам. Еще поболтав, ребята разошлись.

Махмуд поехал в Сольну и сразу пошел домой, чтобы хоть сегодня избежать нагоняя от отца. Палестинец понимал, что должно случиться с приятелем, и хотел оставаться на виду. С этой целью по пути от метро перекинулся парой слов со встреченными знакомыми.

Карим пешком двинулся в сторону Васастана. Когда подходил к парку у Городской библиотеки, его обогнал старенький «опель». Из него вышли двое и пропалив полутьме под деревьями. Афганец также шел в ту сторону, и, занятый тревожными мыслями, не обратил внимание на приехавших. Стокгольм – город спокойный, нет нужды озираться и опасаться.

В парке Карим наткнулся на криминальный дуэт. Первый удар битой пришелся в солнечное сплетение, сбив дыхание. Жертва не могла издать ни звука. Били молча и умело, в основном по мягким частям. Лежа на земле, парень отчаянно прикрывал лицо и живот, но остальное защитить не мог. Наконец последовал финальный удар ногой по ягодицам. Нападавшие перевели дыхание, и плотный мужчина постарше поднял за шкуру хрупкого парнишку. Второй бандит помахивал битой у него перед носом. Без эмоций прозвучал приказ:

– Веди к себе. И не глупи.

Пройдя метров триста, троица вошла в дом, где снимал жилье афганец. Здесь он узнал Резу, и тут ему стало страшно по-настоящему. Лицо иранца не отличалось подвижностью, темные глаза напоминали выключенный телевизор. Замахнувшись, Реза бить больше не стал – видимо, берег руки от ссадин. Ноги в ботинках поцарапать сложнее, но и пользоваться ими в крохотной комнатке неудобно. Черные очи вращались по замысловатой траектории, и Карим сообразил, что тот употребляет наркотики или нуждается в помощи психиатра.

Второй бандит выглядел вроде бы нормально, зато его обуревало желание пустить битую в ход. Он крутил ее, переключивал из руки в руку и даже примерился, как грохнуть по радиоприемнику. Судя по заикливости, в голове мысль о бите гостила в одиночестве. Сделав вид, что просто неловко повернулся, он таки исхитрился разбить стакан, попавшийся под руку. Только тогда слегка успокоился.

Усадив парня на стул, иранцы принесенным скотчем связали его руки и ноги, заклеили рот. Принялись обшаривать комнату, но скоро перешли к тупому переворачиванию предметов обстановки и вываливанию вещей на пол. Не найдя ничего интересного, бандиты вывернули карманы жертвы. Внимание привлекла сигаретная пачка с записанным номером автомашины.

– Где бабло? – спросил Реза. Его молодой помощник достал нож и надрезал скотч у рта жертвы, держа любимую битую под мышкой.

– У меня только крон 200. Клянусь Аллахом! Получка будет через неделю.

– Врешь! Где спрятал 400 «косых», которые неделю назад взял у Фарука?

– Что вы! В руках таких деньжищ никогда не держал. А Барбар мне ничего не давал. Клянусь!

– Опять врешь! Ты же был у Фарука после меня. Видел я тебя у подъезда.

Карим моментально понял, что это палестинец его предал, поскольку Реза никак не мог его видеть возле дома «банкира» и тем более знать, что он входил к Барбару. «Ах, Махмуд! Шакал! Вот почему пригласил в «Кебаб-хюсет», – мелькнула догадка. – Там и засветил перед гадами. Не жить ему, пришью. Потом. Сейчас надо спастись. Им интересен номер на пачке – стоит рискнуть. Главное – выиграть время».

– Ну, заглянул я к нему, просил перевести 500 крон родителям в Афганистан. И что?

– То, что ты его грохнул и деньги забрал! Признавайся, иначе изуродуем.

– Да вы что! Он мне как отец родной. Я, как узнал, что «банкира» убили, места не нахожу. Сильно его помощи не хватает. Честное слово!

– Какой помощи?

– Подрабатывал у него по мелочи, на подхвате. Прошу, не бейте. И так инвалид, едва ноги переставляю. Теперь месяц лечиться придется.

Иранцы стали переговариваться на фарси (допрос они вели по-шведски), наивно полагая, что Карим их не понимает. Типичная ошибка для необразованных людей за пределами родной страны. Из реплик следовало, что бандиты разочарованы несолидным видом калеки

и бедностью обстановки. Смушало отсутствие денег. В общем, на убийцу с большими деньгами афганец явно не тянул. Значит, надо искать другого, сильного и ловкого. Того, кто легко разнес голову Фарука.

– Чей номер у тебя записан на пачке?

– Одного чувака.

– Что за чувак?

– Когда я был у «банкира», он велел проследить за мужиком, которого ждал. Я во дворе спрятался и, когда мужик вышел, незаметно проводил до машины. Номер записал. Вернулся, позвонил в дверь, а Фарук не ответил. Думаю, уехал уже. Ну, пришлось к себе двигаться ни с чем. По телефону звонил потом, никто не подходил. Потом по ТВ сказали, что Барбара убили. Больше ничего не знаю, клянусь!

– Не гневи Аллаха! Лжешь! Чем докажешь свою правдивость?

– Так меня видел там знакомый палестинец. Может подтвердить. Я ни в чем не виноват. Не бейте меня больше. Пожалуйста.

– Как палестинца зовут?

– Махмуд, в Сольне живет. Могу найти, спросите его!

– Уже спросили. Говорит, ты последний входил к Барбару. Больше посетителей не было.

– Да не мог Махмуд такого знать. Он же видел только, как я входил. А когда я вышел, его уже не было возле дома. Смылся куда-то. Конечно, про мужика знать не знает.

– Опиши мужика. Подробно.

– Лет 35, рост 180, крепкий – похоже, качается в спортзале. Уверенный такой. В пиджаке. Швед или европеец. Вышел, посмотрел по сторонам и к «тачке» заспешил.

– Что у него с собой было?

– Сумку спортивную нес. На боку надпись, но я не рассмотрел – темно. Не очень легкая. Он ее из руки в руку перебрасывал.

– Машина?

– «Вольво 740». Цвет не разглядел в темноте. Серебристая или золотистая. Близко боялся подойти – мужик оглядывался, а улица пустая. Когда тачка тронулась, освещение номера включилось, номер стал виден. Больше ничего не знаю. Не бейте, очень прошу. Мне же завтра на работу. И так калека, едва хожу, сижу на лекарствах.

– Ну, смотри. Если соврал, мы из тебя шаурму сделаем. Понял?

– Понял.

После ухода иранцев Карим около часа стонал, прикладывая к синякам ледяную бутылку пива из холодильника. Понизив уровень боли до терпимого, прикорнул на диване. В быстром сне конечности подергивались, глаза под веками бегали, всхлипы дополнялись слезами. Бессилие и унижение постепенно заглушали физическую боль. Молодой хищник, уже вкусивший крови, метался от бессилия перед взрослыми преступниками.

Постепенно подсознание воздвигло защитную стену приятных воспоминаний: мелькали картинки из Афганистана – горы, кишлаки и почему-то обезьянка, которую погонщик каравана вез с юга. Карим увидел ее, придя с матерью на базар. Обезьянка стояла в памяти как живая, а образ матери явился абстрактным. Просто мама, родная и ласковая. Затем, без перехода, мозг подкинул видения из Дании: первая после операции прогулка в кресле-каталке по парку Королевского госпиталя. Непуганые городские лисы затеяли игру прямо на газоне перед пациентом: прыгали, тьякали, кусались. В разгар игрища наглый лисовин внезапно остановился, понюхал свежий снег, редкий для датской зимы, и тут встретился взглядом с подростком. Самец чуть приподнял заднюю лапу и пустил тугую парящую струю на землю. Взгляда зверь не отводил, пока не закончил. Затем обернулся вокруг оси и... исчез.

Сначала морду с ушами, за ней туловище, а потом и хвост словно всосало в куртину плотно сросшихся кустов.

Глава 15. «Смерть»

15 сентября

В середине ночи афганец резко проснулся и вышел на улицу. Озираясь, покружил вокруг квартала и вернулся в дом, убедившись в отсутствии слежки. Открыл чулан, достал спортивную сумку и переложил из нее деньги в старенький рюкзак, сумку выбросил в мусорный бак. Затем перебежал пустынную площадь и, сделав петлю вокруг Городской библиотеки, оказался на центральной улице Свеавэген. На стоянке такси открыл защитный кожух телефона диспетчерской и вызвал машину. По дороге заехал в ночной киоск, купил бутербродов и колы. Добравшись до вокзала, афганец приобрел билет первого класса на поезд в Копенгаген, уходящий через час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.